Кызласов И.Л.

(г. Москва, Россия)

Новые поиски в алтаистике.

II. Археологические разработки

Эта статья продолжает первую часть, разбиравшую новейшие разработки наших лингвистов-тюркологов и изданную в 7-м сборнике «Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири» (Горно-Алтайск, 2008, с. 88-101). Мы видели, что в своих поисках языковеды фактически лишены самостоятельных источников столь глубокой древности и, в силу этого, во многом зависимы от исторических построений. В итоге лингвисты возводят к центральноазиатским гуннам, как ранние тюркские языки, так и основы культуры тюркоязычных народов, географически увязывая эти начала с большой излучиной Хуанхэ – Ордосом.

Теперь следует рассмотреть проблему происхождения народов алтайской языковой семьи, исходя из существующих данных археологической науки. Понятно, что речь пойдет не о лингво- и этногенезе, а об основах культурогенеза, которые, однако, не могут быть отделены от исторических процессов такого рода. Независимость археологических материалов от лингвистических и письменных источников общеизвестна. Но особенности развития нашего источниковедения таковы, что обоснованно поставить задачу научного соотнесения археологии и алтаистики сегодня, пожалуй, приходится впервые[1].

Рассмотрение материальных древностей, по моему мнению, приводит к принципиально иному пониманию сущности алтайской проблемы. Изложение фактов и проистекающих из их рассмотрения выводов подчинено в статье следующему порядку:

3. Традиционные особенности жилищ тюркоязычных народов
4. Жилища центральноазиатских гуннов
5. Жилища с канами у монголоязычных народов
6. Жилища с канами в Приамурье
7. Жилища с канами на Нижнем Амуре, в Приморье,прилегающей Корее и Маньчжурии
8. Отопительные дымоходы, не относящиеся к канам
9. Новый вид алтайской проблемы

3. Традиционные особенности жилищ тюркоязычных народов

Учитывая разную степень изменчивости областей народной культуры, для археологического рассмотрения алтайской проблемы наиболее оправданно обратиться к конструктивным и пространственным особенностям жилищ. Редко что иное в сфере материального быта и культа обладает такой же устойчивостью и консерватизмом.

Наиболее ранние древности, достоверно принадлежавшие тюркоязычному населению, ныне известны только на Саяно-Алтайском нагорье в Южной Сибири. Будучи пришлыми, эти древности появляются там во II-I вв. до н.э. и затем служат основой сложения отдельных археологических культур (таштыкской на Среднем и шурмакской на Верхнем Енисее) (Кызласов Л.Р., 1953; 1958, с. 89-98; 1960а; 1979, с. 79-120). Эти культуры, в свою очередь,

---

1В раннюю пору урало-алтаистики археологический поиск поначалу зависел от лингвистики. Побуждаемые историко-лингвистическими изысканиями М.А. Кастрена, лично произведшего на Енисее раскопки древних памятников в 1847 г., финские археологи, и прежде всего Й.Р. Аспелин, долго стремились подтвердить языковую гипотезу о происхождении финно-угорских народов с Алтая, проводя исследования как в Европейской, так и в Азиатской России. Однако именно археологический анализ (А.О. Хайкель, А.М. Тальгрен) доказал непродуктивность этих миграционных взглядов (Salminen T., 2003, s. 271).

становятся корнем всего местного средневекового развития, выраженного рядом преемственно связанных археологических культур (таковы древнехакасские культуры чаатас (VI – середина IX вв.), тюхтятская (середина IX –X вв.) и аскизская (конец X – XVII вв.) (Кызласов Л.Р., 1975а; 1981а; 1981б; Кызласов И.Л., 1981; 1983), а также культуры тюркских народов Тувы (Кызласов Л.Р., 1969, с. 18-87): чиков и тюрок)[1]. Тюркоязычность носителей названных культур доказана их связью с памятниками енисейского рунического письма (Кызласов Л.Р., 1960б). Именно на этих средневековых культурах сложились традиционные культуры современных коренных тюркоязычных народов Южной Сибири, изучаемые этнографической наукой. Таким образом, начиная со II-I вв. до н.э. преемственное развитие тюркоязычного населения на Саяно-Алтайском нагорье уже никогда не прерывалось.

Названные обстоятельства культурной и этнической истории региона использованы мною для поисков изначальных признаков древнетюркских жилищ и реконструкции особенностей пратюркских обиталищ (Кызласов И.Л., 2005; 2008а). Результаты специально проделанного исследования приводят к следующим заключениям[2].

В традиционной культуре коренных народов Саяно-Алтая выделяются три класса стационарных наземных построек. Наиболее полно они представлены в культуре современных хакасов, поэтому далее для обозначения каждого из этих классов мною используются соответствующие хакасские названия: *тура*, *алачик*, *иб* (*агас иб*). По археологическим материалам можно проследить, какие классы жилищ характеризовали местные культуры раннего железного века до прихода тюркоязычного населения, а какие могли быть принесены тюркоязычными пришельцами и, следовательно, характеризуют их культуру. Отсутствие изученных поселений заставляет обратиться к погребальным конструкциям. При этом учитывается стадиальность присущего им символизма: в раннем железном веке жилище воспроизводится в конструкции могил, а надмогильные (курганные) постройки воссоздают облик Вселенной, в то время как в средневековье облик жилищ имеют уже сами надмогильные сооружения.

Тура – прямоугольные и квадратные бревенчатые дома, имевшие прямую крышу. Их отличает также глинобитный очаг каминного типа (с трубою), размещавшийся в жилище сбоку от входа, и полати вдоль стен. *Тура* бывали срубные (рис. 1 – 1) и столбовые (рис. 1 – 2). Внутримогильные конструкции всех археологических культур раннего железного века Саяно-Алтая воспроизводят жилища типа *тура*. Надо думать, что бревенчатые дома широко бытовали в то время на Алтае (*пазырыкская* культура), в Хакасии (*тагарская* культура), Туве и Северо-Западной Монголии (*уюкская* культура). Следовательно, этот тип жилищ принадлежит еще дотюркским местным культурам (вероятно, созданным народами уральской языковой семьи: самоедо- и угроязычными). С приходом тюркоязычных народов и языковой тюркизацией автохтонов, жилища-*тура* сохранились в южносибирской культуре наравне с другими субстратными чертами. В Хакасии существование этих жилищ, вероятно, отражено в особенностях Ташебинского поселения I в. до н.э. – I в.н.э., где срубные (?) жилища не оставили повреждений материка, кроме ям-погребов, а также в облике погребальных конструкций *таштыкской* культуры (I в. до н.э. – V в. н.э.) и культуры *чаатас*.

1Археологическая изученность преемственности культур Алтая не позволяет сегодня причислить его памятники этого времени к нашему перечню. Однако тюркоязычность раннесредневекового населения горного края незыблемо установлена распространением рунических памятников, начиная с VIII в.

2 Изложенные в этом разделе материалы и выводы повлияли на восприятие истории жилища лингвистами-тюркологами благодаря их общению с археологом при общей работе в 2004 г. Ср. (Добродомов И.Г., 2006, с. 451, 452; 2008, с. 213-215; Дыбо А.В., 2006, с. 458, 472, 473; 2008а, с. 236, 238, 239, 243) с предыдущей публикацией (Левицкая Л.С., 1997, с. 485-500), а также глухие отсылки (иногда не к месту – Дыбо А.В., 2006, с. 472, 473) на разноплановую монографию Л.Р. Кызласова 1969 г. (Дыбо А.В., 2006, с. 471, 473, прим. 181, 184; 2008а, с. 262, 263. прим. 25, 27), не включенную в библиографию статьи (Дыбо А.В., 2008а), но называвшуюся мною в беседах в связи с комплексом в Сарыг-Булуне. Эти консультации упомянуты по отдельному случаю (Дыбо А.В., 2006, с. 471; 2008а, с. 261). Тогда же подготовленный иллюстрированный текст по истории жилища (Кызласов И.Л., 2008а) был расширен до брошюры (Кызласов И.Л., 2005, с. 77, прим. 1).

Алачик – коническая жердевая постройка с очагом в центре, наиболее типичная для таежников (рис. 1 – 3). Следы таких жилищ обнаружены на поселениях III-I вв. до н.э. Вероятно, *алачик* изображен на Боярской писанице в Хакасии (II-I вв. до н.э.). Учитывая широкий этнографический ареал таких жилищ в горно-таежной полосе Южной Сибири, а также их особую роль в свадебном обряде таежников (хакасов и алтайцев), я также отношу эту форму жилищ к дотюркским.

Иб – квадратное, круглое, многоугольное (наиболее часто 6-ти- и 8-миугольное, но также и 10-14-тиугольное) жилище. Обычно оно крыто корой (рис.1, *4, 5*) или берестой, сложено из бревен (*агас иб*) – столбовое (рис. 1 – 7) или срубное (рис. 1 – 4, 5, 8). Ему свойственна высокая шатрово-купольная кровля, коническая или многоугольная. Очаг расположен в центре. Известно всем тюркоязычным народам Южной Сибири. У западных бурят (монголизированных тюрков) и тувинцев жилище-*иб* сохранило четыре центральных столба.

Жилища-*иб* изображены на Боярских писаницах в Хакасии. Одному из рисунков (нередко принимаемому за юрту) есть бревенчатые аналогии у якутов. Квадратные и многоугольные жилища известны на *таштыкских* поселениях, их воссоздают в камне курганы древних и средневековых хакасов: *чаатас*, *тюхтятской* и *аскизской* культур. Столбовые многоугольные жилища-*иб* зафиксированы также на поминальных памятников тюрков VI-VIII вв. в Туве (Сарыг-Булун). О них в отношении тюркских народов Южной Сибири повествуют и раннесредневековые китайские источники.

Сравнение письменных и археологических данных приводит к выводу, что в глубокой древности тюркоязычные народы считали мир круглым, а в раннем средневековье восприняли представления о квадратном мироздании (но, насколько известно, лишь некоторые тюркские народы Алтая, включая и народ *тюрк*, делал свои поминальные памятниками квадратными). Нет свидетельств изначальной и неизменной устремленности главного направления всего «тюркского мира» на восток.

Таким образом, многоугольные в плане постройки с шатрово-купольной крышей и центральным размещением очага – единственная форма традиционного саяно-алтайского жилища, которая отличает тюркские народы и может быть увязана с тюркоязычными пришельцами рубежа н.э. Именно такие жилища-*иб* (рис. 2 – 4, 5) в свое время послужили основой для создания переносной войлочной юрты (рис. 2 – 6) (обратное утверждение этнографов ошибочно).

Точнее говоря, общим предком стационарных и переносных жилищ явились, судя по всему, каркасные турлучные жилища с многоугольными или круглыми плетеными стенами: однорядными, обмазанными глиной (рис. 2 – 2), или двойными, засыпными (рис. 2 – 3). В свою очередь эти формы, наиболее вероятно, восходят к круглому глинобитному дому (рис. 2 – 1). Формы жилищ 2-6 на рис. 2 засвидетельствованы и раннесредневековой археологией, и этнографией тюркских народов, образ дома 1 – умозрительная реконструкция. Для ее обоснования привлечены как первичные представления о форме мира, так и этимологический анализ поселенческой и строительной лексики памятников рунической письменности: *balïq* «город», *balïqdaqï* «горожанин» – от *bal* «вязкая глина» (*balïq* означает «глина» еще в XI в.); *toj* и *toñ* «город, резиденция, лагерь» – от слова *toj / toñ* «глина»; глагол *toqï-* «устанавливать, воздвигать (стену)», первоначально означал «бить, ударять», т.е., вероятно, связывался с глинобитным строительством. Возможно, общая этимологическая основа «лепить (глину)» была у глагола *jap-* «строить, делать, творить» и *jap-* «прикладывать, приклеивать». Слово *qurγan*, обозначая регулярное архитектурное сооружение, семантически соотносимо как со значением глагола *qur-* «приводить в порядок», так и с глаголом *qur-* «строить, сооружать». Рисуемой картине домостроительной культуры соответствует часть древней военной лексики: по отношению к войску применялись образы оазисной ирригации (*sü bük-* «собрать войско» и *sü aq-* «двигаться войском»). Точное содержание глагола *bük-* «запруживать, перекрывать», а основы *aq-* «течь, истекать» (Кызласов И.Л., 2005, с. 5, 6). Этимология военной лексики рунических надписей реконструирует прототюркское войско не как конных лучников, а как пеших копейщиков (Кызласов И.Л., 1996).

Глинобитное строительство и отражающая его лексика могли сложиться только в безлесных открытых землях (рис. 2 – 1). Следующая стадия турлучного домостроительства (рис. 2 – 2, 3) соотносима с лесостепной зоной, а последняя, бревенчатая (рис. 2 – 4, 5) – с лесостепным и горно-таежным ландшафтом. Выходит, реконструируемая эволюция жилищ отражает историю передвижения тюркоязычных народов через разные географические зоны с юга на север. По археологическим данным весь процесс таких миграций должен был завершиться уже к III-II вв. до н.э.

4. Жилища центральноазиатских гуннов

Археология – наука медленная. Несмотря на осознанные и многолетние усилия советских и российских, монгольских и китайских археологов, поныне не только актуальны, но и точны слова С.И. Руденко сорокапятилетней давности: «Мы почти ничего не знаем о хуннах до рубежа третьего и второго веков до н.э. До настоящего времени не открыто и, естественно, не исследовано ни одного хуннского археологического памятника более ранней поры. Поэтому мы не сможем проследить ни сложения, ни генезиса хуннской культуры в период ее становления. Археологически крайне слабо освещен и последующий период, после II в. н.э., эпохи гуннов, без чего не может быть показана эволюция хуннской культуры» (1962, с. 114). Единичные памятники Северного Китая (Миняев С.С., 1979; 1986; Могильников В.А., 1992, с. 273; Воробьев М.В., 1994, с. 200-206) не меняют картины в целом.

И все же говорить о главных особенностях гуннской культуры наука сегодня в состоянии. Как и в состоянии показать несходство этой культуры с бытовыми отличиями одновременных гуннам тюркоязычных народов Южной Сибири.

Вопреки предвзятым повествованиям древней и зависящей от нее современной исторической литературы лишь о подвижном хозяйстве и быте гуннов, в самих китайских источниках имеются упоминания не только о легких сводчатых юртах-*цюнлу*, плетеных из ивы и крытых войлоком (Крюков М.В., 1979, с. 125, 126; Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н., 1983, с. 59), но и о гуннских городах (Таскин В.С., 1989, с. 26, 27). По имеющимся переводам эти данные были собраны Л.Р. Кызласовым (1998; 1999; 2006, с. 142-159; ср.: Кычанов Е.И., 1997, с. 34), поскольку археологическую культуру центральноазиатских гуннов ныне характеризуют именно города и поселения со стационарными углубленными в землю жилищами. Основной ряд подобных памятников изучен в Бурятии.

Для нашей темы показательно, что форма и устройство гуннских домов стандартны и не зависят от характера и планировки самих поселений. Они выдерживались как в пределах правильно спроектированной крепости Большого Иволгинского городища на Селенге, так и в неукрепленных поселках, свободно протянувшихся близ современного с. Дурёны вдоль изгибов Чикоя на 5, а то и 8-10 км. Котлованы углубленной части жилищ (которых только на Иволгинском городище раскопано 54) имели прямоугольную или близкую к квадрату форму (от 2,8 х 3,2 до 6, 85 х 6,65, в основном – 5, х 4, 5,5 х 4,5 м при глубине от 0,55 до 1,1 м), ориентированную сторонами по странам света (рис. 3, 4). Существовали и наземные дома. Основу интерьера тех и других составляла Г-образная в плане лежанка-кан, обрамлявшая помещение по северной и западной стенам, внутри которой проходил канал обогревавшего ее дымохода. Он начинался у сложенной из каменных плит печи, стоявшей в северо-восточном углу комнаты, а завершался на юго-западе установленной снаружи деревянной трубою. Единственный жаровой канал обычно образовывали подогнанные друг к другу плоские камни, в два ряда поставленные на уровне пола жилища на ребро. Ими же дымоход и перекрывался. Иногда одной стороной дымохода служила земляная стена котлована жилища. В ряде случаев вдоль кана прослежены деревянные нары. Гуннские дома смотрели на юг – вход располагался в полуденной стене, ближе к юго-восточному углу постройки (Давыдова А.В., 1956, с. 263-273, рис. 2-6; 1985, с. 14, 15; 1995, с. 14-18, рис. 3, 4, 8, табл. 18-22, 24 сл.; Давыдова А.В., Миняев С.С., 2003, с. 10, 13-17, 41, рис. 4, 5, табл. 2, 19, 66, 77, 83, 84, 86, 89, 91, 92, 98). Главенство южной ориентации в гуннской культуре не относится к ханьскому влиянию, оно вполне самобытно (Кызласов И.Л., 2008б).

Жилища принадлежали к каркасно-столбовым конструкциям: вдоль стен котлована, в

его центре и по обеим сторонам входа прослежены ямки от вертикальных опор, нередко поставленных на каменные плитки (рис. 4) (Давыдова А.В., 1995, с. 15, рис. III). Все дома имели вертикальные глинобитные или сырцовые стены, поэтому первоначально предложенная реконструкция гуннского дома как примитивной постройки, лишенной стен над котлованами (Davydova A.V., 1968, p. 213, fig. 5) неверна[1], несмотря на ее широкое распространение в специальной литературе (Давыдова А.В., 1995, с. 15, 16, табл. 86, ср. табл. 52; Могильников А.В., 1992, табл. 109, 1; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, карта-вклейка за с. 144) и даже в вузовских учебниках (Канторович А.Р., 2006, с. 358, рис. 1). Иные примеры использования этой реконструкции и ее критику см.: (Кызласов Л.Р., 2006, с. 154, прим. 51).

Открытый археологами облик гуннских жилищ помогает понять высказывания китайских комментаторов лаконичных ханьских описаний пограничных поселений-оуто: «делают земляные дома, чтобы наблюдать за китайцами», «оуто – земляные ямы». Ни для китайцев, ни для захваченных гуннами северных земель Саяно-Алтая не были свойственны жилища-полуземлянки.

Данные, собранные В.С. Таскиным для характеристики гуннских оуто как в письменных источниках («Ши цзи» и «Хань шу»), так и в противоречиво трактующей термин китаеведческой литературе привели синолога к заключению, что так именовались «не пограничные заставы или наблюдательные пункты[2], а вооруженный лагерь значительных размеров, который был в состоянии отразить нападение нескольких тысяч человек» (1968, с. 131, 132)[3]. Это мнение разделяет Е.И. Кычанов (1997, с. 20-22). Было ли одним из северных оуто Большое Иволгинское городище, сказать трудно. Крепость на Селенге вместе с другими памятниками Забайкалья и Саяно-Алтая давно расценивается как остатки специализированных поселений гуннских колонистов II-I вв. до н.э. (Кызласов Л.Р., 1979, с. 79-84; 1984, с. 10, 11; 2006, с. 143, 144).

Хотя поселения предшествующего времени пока неизвестны в Бурятии, основной историко-культурный вывод для археолога очевиден: «Жилища земляночного типа, обогреваемые через отопительные каналы-дымоходы, появились на данной территории вместе с сюнну» (Давыдова А.В., 1995, с. 18). Насколько мне известно, время и место появления канов у центральноазиатских гуннов, пока остаются вне рассмотрения археологов, изучающих их памятники: основное внимание привлекает предметный и погребальный культурный комплекс, жилища берутся как данность и их генезис остается вне анализа (см.: Миняев С.С., 2001).

Согласно японским авторам, о кане у гуннов говорит уже «Цянь Хань шу» (Стариков В.С., 1967, с. 64).

Итак, как видим, археологические данные, отражающие основы домостроительства и устроения интерьера жилища, *отторгают культурогенез центральноазиатских гуннов от тюркских народов древности*. Углубленные дома гуннов противостоят наземным постройкам тюркоязычных народов, примыкающие к стенам обогреваемые лежанки (прообразом которых, вероятно, явились земляные нары) – расположенным в центре очагам, а печи с дымоходами и вытяжной трубой – открытому огню с естественной вытяжкой через отверстие в центре дарбазной крыши.

Ныне не может быть сомнения в том, что *часть ранних тюркоязычных народов*

1Будем помнить, однако, что А.В. Давыдова совершенно точно оценила ситуацию уже при раскопках в 1949 и 1950 гг.: «Небольшая глубина котлована … вызывает вопрос о том, каким образом и из какого материала воздвигались стены этих жилищ. С самого начала напрашивалось предположение, что стенки делались из сырца. Но бесспорных остатков сырцовых стен при раскопках малых жилищ не обнаружено. При этом необходимо учесть неоднократную распашку городища» (1956, с. 262). Тогда же остатки сырцовых стен были все же прослежены у жилищ 7 и 9.

2 Н.Я. Бичурин и Р.В. Вяткин (или его соавторы по VIII тому) видели в оуто именно «караульные посты», «пограничный караул» (1950а, с. 47, 78) и «приграничные посты или заставы сюнну» (Сыма Цянь, 2002, с. 497).

3 Не привлекая археологических данных, В.С. Таскин, однако, сомневался в том, что оуто – это земляные дома (1968, с. 131, 132; Е Лун-ли, 1979, с. 515, 516).

оказалась на покоренных гуннами землях и была подвластна гуннской державе. По крайней мере, по этой причине произошло, как это понимается ныне, переселение на север, в долины Верхнего и Среднего Енисея, прежде тюркских языков не слышавших, ранних кыргызов-гяньгуней и пока безымянных для нас тюркоязычных носителей шурмакской культуры. Степень этой зависимости от гуннов не может быть ныне определена в полной мере, показательна, однако, правящая роль кыргызов-гяньгуней на новой родине, восходящая по их собственному мнению, зафиксированному в «Таншу», именно к гуннской эпохе (Бичурин, 1950а, с. 334, 351).

Однако южносибирские древности этих народов, как и ашина, указывают на иные истоки культуры, подтверждая сказанное: *сами гунны и начала их культуры не принадлежали к тюркоязычному миру древности*.

***

Отыскать в иных землях интерьеры с земляной лежанкой по периметру несложно, но история оснащения их канами остается туманной[1].

В выяснении этого вопроса, сопрягаясь с языковой принадлежностью народов, вновь полезно пойти от поздних данных к ранним. Этнографическая наука отмечает жилища с канами как характерную особенность приамурских народов и маньчжуров. Следовательно, для нового и новейшего времени тунгусо-маньчжурская принадлежность этой системы отопления не может вызывать сомнений. Однако могут ли каны быть признаком тунгусо-маньчжурских народов средневековья и древности?

При анализе письменных источников расселение раннесредневековых тунгусо-маньчжурских народов обычно определяется по Амуру ниже Сунгари и в бассейне Уссури. Выше по правому берегу Амура вплоть до устья Аргуни Северную Маньчжурию в VI-IX вв. занимали племена шивэй, юго-западнее которых до бассейна р. Шара-Мурен помещают си и киданей. Все три этнических группы ныне принято считать монголоязычными (Кычанов Е.И., 1980, с. 139; Воробьев М.В., 1994, с. 27-33, табл. 2).

5. Жилища с канами у монголоязычных народов

Каны знают монгольские народы нового и новейшего времени: дауры (дагуры) и монголы Внутренней Монголии. Жилища с канами в культуре дауров – дорусского монголоязычного населения Верхнего Амура (вплоть до устья Зеи), в 1654 г. переселенного в Маньчжурию цинской властью, обнаружены археологами (Болотин Д.П., 2005, с. 618). Культура дауров восходит к середине XIII в. Судя по описаниям современного быта, не приходится думать, что свою систему одноколенного (Г-образного) отопления дауры могли заимствовать в позднее время от маньчжуров, устраивавших П-образные лежанки. Следует учитывать, что сами дауры в глазах одних ученых – монгольский народ, подвергшийся сильному тунгусо-маньчжурскому влиянию, в глазах других – тунгусо-маньчжурское племя, усвоившее монгольскую речь лишь в XIII-XIV вв. (Тодаева Б.Х., 1997, с. 51, 59).

Прочные археологические материалы указывают, что в XIII-XIV вв. каны были характерны для культуры монголоязычных народов. Специалист отличает монгольский город по типу жилищ, единому для всей империи – от Забайкалья до Молдавии. И это не войлочные юрты, а квадратные дома с каркасными, столбовыми стенами, поставленные без фундаментов. Вдоль трех стен П-образно устроены сплошные глиняные лежанки с внутренним двухканальным обогревом (Киселев С.В., 1965, рис. 2; Киселев С.В., Мерперт Н.Я., 1965, рис. 100, 103, 104; Кызласов Л.Р., 1965, рис. 29, 33, 41, 62, 74, 75; 1969, рис. 54; 1975б, с. 179, 183, 190, рис. 1, 7; 1975в, с. 173-175; 1992, с. 149, 152-156) (рис. 5).

В Восточной Европе каны устраивались и в наземных домах и в землянках. Эти каны разнообразны, нередко занимают лишь одну или две стороны по-прежнему П-образной лежанки, а также бывают Г-образны или прямы, иногда снабжены лишь одним дымоходным каналом (Егоров В.Л., 1970, с. 173-175, 178, 179, 185, 186, 188, рис. 1-4, 7, *1*, 8, 9, 13; Егоров

1 Именуя каном только отапливаемую через внутренние дымоходные каналы возвышающуюся над полом лежанку, я, естественно, отделяю историю этой отопительной системы от иных форм обогрева жилища, снабженных жаровыми каналами (см. раздел 8).

В.Л., Жуковская Н.Л., 1979, с. 211-213; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 45, 46, 48, 56, рис. 2, *1, 7, 8*) (рис. 6). Развитие городской застройки выразилось здесь в размещении выводной трубы кана не снаружи, а внутри угла здания. Вероятно, это влияние среднеазиатской (точнее сказать, сырдарьинской) традиции (см. раздел 8), кроме этого обнаруживаемой также в различных типах домов, применявшихся строительных материалах и технике, во многих деталях интерьера, включая особенности отопления. Важно, что в Старом Сарае (ныне Селитренное городище) продолжали сохраняться и П-образные каны классического монгольского облика (Егоров В.Л., 1970, с. 186; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 48). Весьма архаичны земляные каны Поволжья.

Археологи полагают, что в целом тип квадратного домостроительства и отопления в виде канов восходит к древней оседлой культуре монголоязычных народов (Кызласов Л.Р., 1975в, с. 173; 1992, с. 152, 153). Этому соответствует и отказ лингвистки В.И. Цинциус от привлекательного поначалу сравнения общемонгольского *гэр* «жилище» с тюркским *кер-* «растягивать, натягивать» как лексических показателей сходства якобы изначального кочевого быта (1972, с. 12-14)[1].

Многочисленность домов с канами показывает, что в Европу монголов пришло немало, и среди них были строители. На это указывает и сохранение центральноазиатского формата кирпича в некоторых ордынских городах (Егоров В.Л., 1970, с. 184, 185). Степной быт не отучил монголов от древнего домостроительства и изначальной оседлой жизни – они принесли с собой каны в саму Монголию, переселившись туда с Верхнего Амура в течение конца X – начала XII в. Традиционный интерьер сохранялся даже при радикальной смене типа жилища: согласно источнику, еще в XII в. деревянные лежанки в форме кана сооружались монголами в заимствованных от тюркских народов переносных войлочных юртах, отапливаемых центральным открытым очагом (Егоров В.Л., 1970, с. 186; Кызласов Л.Р., 1975в, с. 175; 1992, с. 150-152, 156).

Опуская заимствованные монгольскими народами фанзы (Народы КНР, 1965, с. 656, 661, 665, 668), следует сказать, что каны в круглых или по-прежнему квадратных стационарных постройках с конической крышей[2] встречаются во Внутренней Монголии поныне. Судя по публикациям, они представляют собой одноколенные каны большой ширины. Неслучайно и существующее сегодня подпольное отопление неперевозных, стационарных войлочных юрт (осуществляемое от расположенной снаружи специальной топки, в то время как очаг занимает центр жилья) сохраняет не только П-образную планировку, но и раздваивающийся канал дымохода (Вяткина К.В., Стариков В.С., Чебоксаров Н.Н., 1979, с. 190-192).

Языковая принадлежность южной группы раннесредневековых народов, все настойчивее относимых историками и лингвистами к монголоязычной группе, по-прежнему остается дискуссионной. Распространенное в литературе отождествление тройного китайского деления северных и восточных соседей Поднебесной на потомков сюнну, дунху и сушень с современным членением алтайской семьи на тюрок, монголов и тунгусо-маньчжур не является строгим построением. Оставляя в стороне критикуемое мною в этой статье отнесение самих гуннов-сюнну к тюркоязычным народам, здесь следует указать на шаткость первых звеньев выводимой источниками преемственной этнической цепочки дунху – сяньби – кидани, увязываемой с шивэй, а через них – с монголами. Следует знать, что ряд востоковедов возводит к этнониму шивэй тунгусо-маньчжурский народ сибэ (сибинцев) (библиографию см.: Пан Т.А., 2008, с. 217).

Изданная у нас в академической сводке языковая характеристика сяньби (относимых к протомонголам – Кормушин И.В., Пюрбеев Г.Ц., 1997, с. 7) фактически лишена лингвистических данных, сводит вопрос к тоба-вэй и полна натяжек историко-культурного свойства, ряд которых (как рефрен о пользовании орхонским алфавитом) не имеет оснований (Лувсандэндэв А., 1997). Наука о древностях здесь помогает мало: независимый

1Однако эти противоречащие истории культуры позиции сохраняются у московских алтаистов (Дыбо А.В., 2008б, с. 79).

2 Такие жилища описаны путешественниками и для монголов XVII-XVIII вв. (Егоров В.Л., Жуковская Н.Л., 1979, с. 212).

от лингвистики археологический анализ культуры III в. до н.э. – III в. н.э., в угоду терминологии письменных источников связываемой с ранними сяньби, показал, что к ней восходят как традиционные «типично мохэские сосуды» – т.е. один из наиболее надежных материальных признаков раннесредневекового тунгусо-маньчжурского (или даже только маньчжурского) населения Дальнего Востока, так и глиняная посуда бурхотуйской культуры Забайкалья, обычно приписываемой ранним монголоязычным племенам. Прототипы же киданьской посуды догосударственной поры, принадлежащей к иной линии развития керамики, специалисты указывают в культуре шэгень, обычно относимой к сяньби восточным (Дьякова О.В., 1993, с. 15, 276-278, 290-293, 296, 297, 314-317, 337-339; 2008а, с. 64). Следует помнить, что этноним сяньби (сяньбэй), возникший в раннеханьскую эпоху, с III в. до н.э. имел обобщающее значение, именуя народы Западной Маньчжурии в противовес населению Восточной, столь же обобщенно называвшемуся илоу.

Вдумчивые сторонники монголоязычности киданей так или иначе считаются с выдвинутыми в науке двумя другими определениями: кидани – тунгусоязычны и родственны чжурчжэням, и кидани – народ смешанного монголо-тунгусского происхождения (Рудов Л.Н., 1961, с. 159, 169; Е Лун-ли, 1979, с. 24). Дело осложняется тем, что ранние исторические построения противоречивы: одни летописи Китая выводят киданей из дунху, другие – из сюнну. Киданьские слова, доступные ныне по китайским текстам, с одной стороны принадлежат к языку монгольской группы (близкому современному даурскому), с другой не могут быть истолкованы на монгольской языковой почве (Кузьменков Е.А., 1997, с. 88). Будем помнить, что на протяжении всей истории и в материальной культуре киданей было очень много контактного, привнесенного со стороны и усвоенного. Окончательное решение вопроса о языковой принадлежности откладывается до дешифровки все еще непонятных киданьских письмен и прочтения составленных ими текстов.

Сегодня археология не может помочь прояснению картины в интересующем нас жилищном вопросе. Хотя имя и политическая история киданей известны в источниках с IV в., их догосударственная культура (протяженностью более 5 веков) остается для археологии по существу неведомой. По «Ляо ши» строить укрепленные поселения впервые начал лишь каган Шулань (Сулань) на рубеже IX и X вв. (Воробьев М.В., 1994, с. 279, 294). В маньчжурском изложении, в «Истории Великой Железной империи» (2007, с. 43), начало строительства городов и домов приписывается ему и его старшему брату Салади (отцу Абаоцзи). В работе над темой неоднократно приходилось встречать в литературе общие высказывания о существовании у киданей X-XII вв. жилищ с лежанками-канами. Однако конкретных материалов не приводилось: городища и поселения киданей остаются не раскопанными. Л.Л. Викторовой названо городище Дээд-Улаан-Эрэг, стоящее на р. Керулен в Монголии, на котором «нашли и отопительную систему в виде канов» (1980, с. 146). Но на этом же памятнике обнаружена гончарная печь, подобная горнам Северной Кореи периода Когурё, следовательно, на лицо влияние культуры, первоначально соседней киданям, а затем включенной в их империю. В письменных же источниках, хотя и называются города, но кроме описания переносных кошомных юрт и крытых войлоком повозок-фургонов, речь идет лишь о домах срубных («Ляоши»: Викторова Л.Л., 1980, с. 58, со ссылкой на Г.К. фон Габеленца) или дощатых (Е Лун-ли, 1979, с. 322). В династийных историях юрта выступает как жилищем простонародья, так и императоров и императриц, а ориентация юрт выражает социальное устройство (Е Лун-ли, 1979, с. 225, 232, 235, 238, 241, 254, 267, 326, 461, 471, 497, 514, 530, 532 и др.). В юртах вершатся даже храмовые церемонии (История, 2007, с. 47-49, 57, 64, 70 и др.).

При рассмотрении интересующего нас вопроса не следует учитывать приобретенные черты культуры киданей – с покорением ими в 926 г. государства Бохай в состав новой огромной державы вошли и земли с исконным применением в домах лежанок-канов. Конечно, можно думать, что после этого интересующее нас обогревательное устройство было воспринято самими киданями (Егоров В.Л., Жуковская Н.Л., 1979, с. 213) и от них перешло к монголам или даже, как это допускается этнографами относительно современной культуры уйгуров и саларов Восточного Туркестана, было распространено далеко на запад переселенными в пределах Ляо бохайцами (Бернова А.А., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В.,

1979, с. 259)[1]. Вполне вероятно, что именно бохайцы (мохэ и когурёсцы) в этих условиях познакомили с канами и северных китайцев (Стариков В.С., 1967, с. 65). Однако умозрительные построения ничем не помогут нашему поиску.

О глубине традиции в монголоязычной среде ныне, пожалуй, косвенно свидетельствуют только приведенные данные об устойчивости искомого типа интерьера в культуре собственно монголов конца XII-XIV вв. (Кызласов Л.Р., 1975, с. 172-175). «Круглые войлочные юрты, заимствованные монголами у степняков, здесь ни при чем. От них, во всяком случае, никак не вывести ни отопительных печей с лежанками типа П-образных канов, ни высоких для тяги труб, которые размещались обычно снаружи каркасных жилищ» (Кызласов Л.Р., 1992, с. 155).

В поисках протомонгольского кана, очевидно, следует в дальнейшем проследить исторические корни не любых аналогичных устройств, а именно П-образных лежанок, отапливаемых через двойные дымоходные каналы. Материалы для этого содержит раздел 7.

6. Жилища с канами в Приамурье

Культуры Приамурья, включая Маньчжурию, отличаются от археологически прослеживаемых форм развития народов Нижнего Амура, Приморья, Кореи и Южной Маньчжурии. Вполне понятно, что материалы любого из этих районов Дальнего Востока не следует рассматривать обобщенно, ведь в отношении Южной Сибири подобная работа с жилищами велась в более сжатых ареалах, четко определенных в историко-культурном отношении (Кызласов И.Л., 2005; 2008). Однако в данном случае состояние археологической изученности края не дает пока не только детальной, но и цельной картины.

Четырехугольные полуземлянки с канами и выходом на юг изучены на поселениях тунгусоязычных дючеров, археологически выделяемых со второй половины XIII в., живших от устья Зеи до устья Уссури и выселенных со Среднего Амура маньчжурскими властями в 1654 г. (Болотин Д.П., 2005, с. 621, 622). История материальной культуры этого народа преемственно связана с чжурчжэньской. Сам этноним *дючеры* возводят к искаженному *нюйчжэнь* (Воробьев М.В., 1983, с. 270) – наименованию чжурчжэней в китайских источниках.

Обзор канов, характерных для жилищ чжурчжэней, дается мною ниже в разделе 7, посвященном приморским древностям.

Маньчжуры, как и их язык (Суник О.П., 1997, с. 162, 164) – также прямые потомки чжурчжэней, результат новой (произошедшей на рубеже XVI-XVII вв.) этнической консолидации их групп, разрозненных после завоеваний Чингисхана (Воробьев М.В., 1983, с. 268-273). Традиционные маньчжурские каны, прослеженные этнографами, имеют П-образную в плане форму (Стариков В.С., 1967, с. 65). Этим они отличаются от прямых китайских лежанок. Однако эта П-образная маньчжурская фигура на деле бывает образована сочетанием двух независимых канов, протянувшихся от двух печей и соединяющихся лишь вне дома в единой дымовыводящей трубе, – прямого (вдоль южной стены) и Г-образного, по-гуннски занимающего северную и северо-западную стену. Это типологическое сходство с ранними жилищами формально усиливается южной ориентацией входа в маньчжурский дом, что здесь, однако, как и размещение комнат, вызвано влиянием китайского домостроительства (Стариков В.С., 1965, с. 675-677; 1979, с. 195).

О системе канального устройства маньчжурских канов, описания которой мне не встретилось, можно, вероятно, судить по канам, воспринятым северо-восточными китайцами: 4-х- и 5-тиканальным, но прямым, параллельно расположенным только вдоль двух длинных стен комнаты и обогреваемым двумя печами. Если дом имел две жилых комнаты, интерьер второй мог состоять из одного или двух таких канов. Взятый в целом

1 Кан уйгуров и саларов Восточного Туркестана имеет две разновидности: он «тянется вдоль стен или располагается у западной стены» (Захарова И.В., Тенишев Э.Р., 1979, с. 187, 189). Тем самым его план здесь отличается от прямолинейного расположения таких лежанок в китайском доме (см. раздел 6).

данный тип отапливаемого жилища «сложился в результате значительных разновременных влияний соседних тунгусо-маньчжурских народов и более поздних маньчжуроязычных насельников Маньчжурии» (Стариков В.С., 1967, с. 23, 38, 39, 62, рис. 13).

Озирая далее древности, учтем некоторые особенности динамично развивающейся археологии российского Дальнего Востока. Несмотря на добротные разработки, в ней пока не создано единой картины культур и их датировок, а археологическое источниковедение осложняется традицией именовать культуры этнически (мохэ, чжурчжэни и пр.) и политически (Бохай, Ляо, Цзинь, Восточное Ся). Дело не в том, что этническая и политическая принадлежность различных групп памятников огромного края дискутируется. Важно видеть, что традиция возникла вне археологии, воспринята от исторической науки (восходящей к концепциям китайской старины). Поскольку все этнические и политические понятия письменных источников региона обобщающие, они в археологии точного смысла иметь не могут[1]. Часто, разумеется, неизвестен и язык раннего населения. Несомненна пришлость алтайских народов на этих землях, издревле палеоазиатских, а то и заселенных неведомыми разнородными по языку жителями (вспомним об айнах, языку которых близких аналогий не найдено) (Сидоренко Е.В., 2008; Рудникова Е.В., 2008). Однако время, место, этапы исхода алтайских народов не установлены, а исконное их родство не находит пока археологического подтверждения. Взгляды лингвистов на эти процессы см.: (Гирфанова А.Х., 2008).

Так, полагают, что наиболее раннее тунгусоязычное население проникло на Дальний Восток из Байкальской Сибири в позднем неолите, формирование же тунгусо-маньчжурской общности наступает лишь в начале I тыс. н.э. с наложением на тунгусские культуры пришлой из Внутренней Монголии и Западной Маньчжурии мохэской (маньчжуроязычной) общности[2], выделившейся там с распадом единого этнического ядра в III в. до н.э. Вторая ветвь выглядит монгольской, ушедшей на северо-запад и отложившейся в бурхотуйской культуре Забайкалья (Дьякова О.В., 2008а, с. 64-66). В рамках этой концепции средневековое тунгусо-маньчжурское единство объясняется не единством происхождения, а результатом контакта (Дьякова О.В., 2008б).

Однако этноязыковое определение дальневосточных древностей остается делом сложным. Археологический анализ выделил 5 вариантов «мохэской» культуры: благословенинскую, найфельдскую, троицкую, гладковскую и михайловскую (Дьякова О.В., 1984; 1993, с. 12-15), в целом прослеживаемой на протяжении IV-VIII вв. Но источники (исключая «Самгук саги», составленную в сер. XII в.) для IV в. говорят о народности уцзи, что, обнажая зависимость от письменности, вынуждает археологов вводить в обозначение культуры и этот этноним (указывая «мохэ (уцзи)»: Дьякова О.В., 1993, с. 10-16; Воробьев М.В., 1994, с. 108-114). В письменных памятниках сами мохэ не упоминаются с XII в., но в археологии Дальнего Востока применяется понятие «мохэской общности», относимой к III-XIII вв. (Дьякова О.В., 2008а, с. 62-64), – еще более широкое этнически, территориально и хронологически.

Этнолингвистическая неопределенность, стоящая за понятием «мохэская культура», яснее ясного проступает в том, что ныне «михайловская группа выделена в самостоятельную культуру и этнически выведена из тунгусо-маньчжурского ареала» и введена в монгольский, а прототипом лепных «типично мохэских сосудов» являются глиняные котлы «ранних сяньби» III в. до н.э. – III в.н.э. из Внутренней Монголии и Западной Маньчжурии (Дьякова О.В., 2008а, с. 63-65). Для меня очевидно, что здесь этническая терминология лишь вносит невнятицу в строгий и весьма перспективно производимый археологический анализ культурогенеза региона. Восприятие материала сразу меняется, когда узнаешь, что те же котлы стали основой керамики бурхотуйской культуры, условно-археологическое наименование которой позволяет до поры не интересоваться ее далеко

1 Эти чуждые нашей науке источниковедческие оковы, ясно осознаются некоторыми археологами, но, из уважения к научной традиции, снимаются, увы, медленно и непоследовательно (Дьякова О.В., 1993, с. 26-29; 2008а, с. 62, 63).

2 Лингвистическая систематика, вслед за Г.М. Василевич, также отмечает близость языков Нижнего Амура к собственно тунгусским, отделяя речь маньчжуров и сибинцев (Гирфанова А.Х., 2008, с. 323).

неясным пока (монгольским ли?) этнолингвистическим содержанием. Дополню картину принадлежностью троицких мохэ к весьма архаичному одонтологическому типу, «свойственному азиатскому населению до его дифференциации на локальные антропологические типы второго и третьего порядка» с тяготением еще к палеоиндейскому населению Северной Америки (Казакова Е.А., 2008).

Как видим, разрешение задач физического, культурного и языкового происхождения народов рисует картину смены разных по устойчивости признаков, из которых язык относится к наиболее изменчивым историческим характеристикам популяции.

В раннем средневековье отопление каном в Приамурье свойственно лишь пришлым формам культуры: одному из двух местных домостроительных типов, археологически засвидетельствованных в локальных вариантах так называемой культуры мохэ (а именно местной для Нижнего Приамурья найфельдской группы IV-IX вв. и пришедшей из Маньчжурии троицкой VII-XII/XIII вв.), также как и одному из двух типов жилищ соседствующей с найфельдской группой культуры амурских чжурчжэней[1]. Характеристика последней изменяется в зависимости от географического размещения древностей, а общая археологическая дата также весьма протяженна – VII-XIII вв. (разделение на 4 этапа, включая мохэский, см.: Васильев Ю.М., 2005, с. 602, 603). Некоторые археологи считают троицкие и амурско-чжурчжэньские памятники единой археологической культурой (Дьякова О.В., 1987; 1988; 1993). Ретроспективно составленные письменные источники для населения Среднего Амура и Маньчжурии того времени отмечают землянки, а с появлением наземных жилищ, вероятно, упоминают нары (Воробьев М.В., 1983, с. 25).

Показательны для нашей темы материалы польцевской (ольгинской) культуры, занимавшей обширные территории и потому иногда именуемой польцевской общностью. В VIII-III вв. до н.э. она была распространена на Среднем, но в III-I вв. до н.э. смещается вниз по Амуру, проникает в северную часть Приморья, а с I-III вв. и по V-VI вв. ее памятники представлены и в Южном Приморье (Коломиец С.А., 2005, табл. 93; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 15). Именно в этих землях, неподалеку от г. Находка, в дельте р. Партизанской на сопке Булочка обнаружены П-образные каны, относимые к первой половине I тыс. н.э. (Медведев В.Е., 2007; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 14, 15, 25, 27, 32, рис. 10, *А, В, Г*, 13, 14). К этим материалам предстоит вернуться в разделе 7. Здесь, в интересах дальнейшего изложения, следует заметить, что польцевскую культуру, сложившуюся на Среднем Амуре, на основе предшествующей урильской культуры относят к палеоазатам (Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 15).

Согласно имеющимся археологическим данным, ранний железный век Верхнего и прилегающей части Среднего Амура в целом не знает канов, хотя в наземных домах (бытующих рядом с землянками), вероятно, уже в гуннскую эпоху иногда применяются деревянные нары, идущие вдоль длинных стен (Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П., 2005, с. 360, рис. 86, *5*). Однако этот компонент интерьера выглядит пришлым.

Первую сводку археологических данных, позволивших проследить основы развития жилищ Приамурья от неолита до позднего средневековья составила Е.И. Деревянко (1981, с. 75-110, 112-113). Углубленные в землю жилища существовали на протяжении всего этого периода, возникнув, вероятно, еще раньше – с позднего мезолита. Для всех них характерно отсутствие канов.

Тем самым археологические памятники в целом свидетельствуют о том, что древние и последующие раннесредневековые культуры Приамурья в целом не знали и не сохранили отопления типа канов.

7. Жилища с канами на Нижнем Амуре, в Приморье, прилегающей Корее и Маньчжурии

Каны характерны для изучаемой этнографами традиционной культуры народов этих земель: ороков, ульчей, нанайцев, удыгэйцев, негидальцев, как и для маньчжуров – к югу от

1 Такое этническое определение отвергалось Ю.М. Васильевым (2006). О различии амурской и приморской культур чжурчжэней см. (Дьякова О.В., 2008а, с. 63).

среднего течения Амура (Воробьев М.В., 1983, с. 84). Поскольку в летних жилищах амурские народы пользовались открытыми очагами (Попов А.А., 1961, с. 137, 139), в этнографической литературе распространение канов в зимних домах увязывается с многовековым влиянием домостроительства маньчжур и китайцев (Народы Сибири, 1956, с. 784, 798, 821, 835; Долгих Б.О., Левин М.Г., 1960, с. 340, 341; Попов А.А., 1961, с. 139, 140).

Отрицать этого нельзя, как нельзя не заметить и нередко существующих отличий, ибо в тех краях широко «распространилась так называемая ”фанза”, однако, существенно отличная от китайского типа» (Токарев С.А., 1958, с. 509) именно по облику канов. Сходство с маньчжурской конструкцией также, по-видимому, лишь в планировке: по большей части это П-, но реже и Г-образные, лежанки с тремя или двумя жаровыми каналами; на чертежах Л.И. Шренка указан даже один канал (Попов А.А., 1961, с. 139, табл. V, *4, 6, 9*) (ср. схему: Константинова О.А., 1972, рис. 2). У нанайцев и ульчей кан П-образный, иногда проходит и вдоль четвертой стены (Лопатин И.А., 1922, с. 81; Стариков В.С., 1965, с. 685; 1967, с. 65), что вполне самобытно. Обычно утверждается, что в доме ульчей и удэгейцев каны отапливались по-маньчжурски двумя очагами. В последнем случае лежанки-каны могут быть первоначально связаны не столько с китайской, сколько с местной традицией прямых нар, устроенных по боковым стенам жилища – зимнего и летнего (те же устройства были у орочей при открытом очаге) (Народы Сибири, 1956, с. 821, 835, 848; Артемьева Н.Г., 1998, с. 77, 78). В XIX в. именно у ульчей зафиксированы одноочажные П- и Г-образные каны (Попов А.А., 1961, табл. V, *4, 6, 9*). Существенно также былое использование нанайцами Маньчжурии П-образного кана в жилищах-полуземлянках (Бернова А.А., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В., 1979, с. 257). Устройство нанайского дощатого кана и особенности его действия см. (Лопатин И.А., 1922, с. 81, 82, рис. 15, 16).

О древнем и всеобщем знакомстве с каном тунгусо-маньчжурских народов Амура свидетельствует и единство терминологии, связанной с этим устройством, – *нагань*, *накань*, *нахань*, *накан, наган* (маньчжуры, негидальцы), *накан, нака, наха* (нанайцы, ульчи, орочи), – и развитая лексика его частей. К этому примыкает нивхское *нах*, *накн*, южномонгольское *лаха* и китайское *кан*, указывающие на тунгусо-маньчжурский источник заимствования обогреваемых лежанок (Стариков В.С., 1965, с. 676, 685; 1967, с. 66; Константинова О.А., 1972, С. 245, 246). В интересах дальнейшего изложения сразу обращу здесь внимание на две историко-культурные особенности лексики. Во-первых, этимология тунгусо-маньчжурского наименования кана *на-кан* «земляная лежанка» указывает на исходную форму этого устройства, не связанную с наземным домостроительством, но имеющую отношение к землянкам. Во-вторых, в Приморье названия частей кана еще древнее – они дотунгусские (Бродянский Д.Л., 2001, с. 345: мнение В.И. Цинциус).

Как полагают, чжурчжэни сложились к первой четверти XI в. в бассейне Сунгари (земли Маньчжурии и бассейна Среднего Амура) на основе племен хэйшуй мохэ (т.е. амурских мохэ), имя которых с этих пор в источниках уже не употребляется (Воробьев М.В., 1975, с. 19-31, 360, 361, карта 1). Состояние изученности чжурчжэньского языка см.: (Певнов А.М., 1997). Объединив огромные разноязыкие земли, чжурчжэньская империя Цзинь (1115-1234 гг.) и выделившееся из нее на короткое время в годы монгольского разгрома государство Восточное Ся (относимое к 1215-1233 или 1217-1234 гг.) хорошо изучены в археологическом отношении на землях российского Приморья[1].

Согласно письменным источникам, вход чжурчжэньского дома раннего периода (X в.) был направлен на восток (Кычанов Е.И., 1997, с. 159), но иногда указывалось и южное направление (Кычанов Е.И., 1966, с. 273, прим.; Воробьев М.В., 1983, с. 26, 73). В городах Приморья, изученных раскопками, ориентация домов соответствовала внутренней планировке поселения, все жилища были наземными, каркасно-столбовыми и кан был обязательной внутренней частью их устройства.

Чжурчжэньские лежанки-каны китайские авторы считали местной достопримечательностью (Воробьев М.В., 1983, с. 83, 263, 264). Они упомянуты в целом

1Литературу последних лет по археологической медиевистике российского Дальнего Востока я получал во многом благодаря вниманию, оказываемому мне А.Р. и Н.Г. Артемьевыми.

ряде китайских сочинений, например, кратко описаны в «Цзинь чжи» («Сведения о Цзинь», последняя треть XII в.): «На полу сбивался из земли род печи, нагреваемой [огнем] снизу; на ней спали, ели и жили». Другой южносунский источник XII в., охватывая период 1116-1161 гг., дополняет картину, указывая на П-образную форму кана и языковую принадлежность самого применяемого нами термина: «Вокруг помещения [внутри] устраивается земляная постель. Под ней разводят огонь. На этой постели спят, едят, занимаются повседневными делами. Называется она [по-чжурчжэньски] кан. Используется ради тепла» (Воробьев М.В., 1983, с. 25, 26)[1].

Хотя одновременно с Г-образными прямые отапливаемые лежанки, снабженные одним каналом, реконструированы в Северной Корее уже для периода IV-VII вв. (Джарылгасинова Р.Ш., 1972, с. 126), кан, проходящий вдоль одной или двух противоположных стен некоторые востоковеды считают поздней разновидностью (Воробьев М.В., 1983, с. 83). Вероятно, датирующим подтверждением этого наблюдения, будет и распространение подобных форм в городах Золотой Орды, упомянутых выше. Несмотря на то, что такие лежанки изредка встречаются в городах самого государства Цзинь (Артемьева Н.Г., 1998, класс V), в целом в раннем средневековье каны Приамурья и Маньчжурии были иными[2].

Судя по археологическим материалам, именно с распространением государственной культуры чжурчжэней в эпоху Цзинь каны становятся повсеместной системой отопления на северо-востоке Дальнего Востока, включая застенный Китай (пятью столетиями позже традиция такого отопления была поддержана культурой маньчжурского государства Цин, 1644-1911 гг.). К XII – началу XIII вв. каны от Г-образной формы в большинстве своем преобразовались в П-образные, охватывающие весь периметр однокамерного жилища (рис. 7), появляются даже пятисекционные каны, двумя коленами протянувшиеся по передней стене к двери. Два дымоходных канала, свойственные ранним конструкциям, нередко заменяются тремя и более, выросла ширина отапливаемой лежанки, число топок, а нередко – и дымовыводящих труб. Вместе с тем, изредка продолжают встречаться и архаичные одноканальные каны (Хореев В.А., 1983; Шавкунов Э.В, 1990, с. 73-80; Артемьева Н.Г., 1998, с. 61-78, рис. 4-41, 47-57, 58-66, 69-88, 90-92, 95-97, 99-104, 106-113, 122, 128, 129, 131, 136-149).

Отвлекаясь от разнообразия конструкций, следует сказать, что обычный чжурчжэньский кан XII-XIII вв. – это искусственно созданная над перекрытыми камнем или кирпичом жаропроводящими каналами земляная подушка высотой 20-50 см, шириной 70-150 см и длиною от 1 до 4 м. Сохранение в городах другой, архаичной формы отапливаемой лежанки, в виде земляной ступени, полученной при углублении пола жилища (Артемьева Н.Г., 1998, с. 62), имеет большое значение для осознания нами исходных условий такого отопления и его первоначальной связи с землянками.

Неоднократно высказанное мнение, что распространение кана вызвало в Приморье и Приамурье переход к наземным каркасным жилищам, не кажется мне доказательным. Выше показано, что в монголоязычной среде к старому интерьеру с каном было приспособлено даже такое новое и своеобразное переносное жилище как войлочная юрта, со сменой среды обитания заимствованная монголами у степных тюркоязычных народов.

Созданные из плитняка Г-образные двухканальные каны, нехарактерные для средневекового Приморья, встречены в серии раскопанных жилищ верхнего слоя Ауровского городища, изучаемого в бассейне р. Арсеньевки (Даубихэ) к северо-востоку от Владивостока. Материалы относятся ко второй половине X – началу XI в.[3], содержат многие

1Другой вариант перевода: «Вокруг комнаты устраивается земляная постель, под которой разводят огонь. На этой постели спят, едят и живут. Называется она (по-чжурчжэньски) кан» (Кычанов Е.И., 1966, с. 273).

2Привлекать сведения о прямых одноканальных канах в польцевской (ольгинской) культуре Приморья (Андреева Ж.В., 1977, с. 149-153; Бродянский Д.Л., 2001, с. 346) я воздерживаюсь из-за неясной для меня сохранности и состояния материала.

3Взгляды специалистов на датировку слоя менялись с ходом раскопок и обработки керамики: границы, полученные на предшествующем раскопе, по вещам были определены концом IX-X вв., а по особенностям домостроительства и в целом – серединой X в. (Шавкунов В.Э., 2001, с. 174, 177).

черты поздней бохайской культуры, однако, не могут быть отнесены к ней из-за местной специфики (Шавкунов В.Э., 2001; Шавкунов В.Э., Гельман, 2002). Эти данные свидетельствует, что картина распространения канов на рубеже I тыс. н.э. была довольно многообразной.

В предшествующее время государство Бохай (698-926 гг.) объединило народы Северной Кореи, Маньчжурии, Приамурья и Приморья. Основными в стране были два типа жилищ: полуземлянки и наземные дома. По-прежнему господствовали полуземлянки без канов, что связано с преемственностью домостроительства от культуры мохэ. На раннем этапе (VIII в.) оба типа жилищ отапливались лишь очагом, размещенном ближе к выходу, на позднем – в наземных жилищах применялись каны, составленные из камня и пришедшие, как полагают, с распространением самих наземных зданий под влиянием когурёсцев, у которых они и были заимствованы бохайцами (Шавкунов Э.В., 2001, с. 14).

Действительно, каны отмечаются как обычное отопительное устройство городских жителей IV-VII вв. древнекорейского государства Когурё (37 г. до н.э. – 668 г. н.э.) – и знати, и простолюдинов. Об этом свидетельствуют раскопки на городищах и указания «Тан шу»: «Простолюдины в середине зимы делают длинные нары, отапливаемые для теплоты» (Бичурин Н.Я., 1950б, с. 100; Воробьев М.В., 1961, с. 93; 1983, с. 26; Джарылгасинова Р.Ш., 1972, с. 124-126). Как и в прилегающих районах Маньчжурии, в Северной Корее отапливаемая лежанка располагалась вдоль одной из стен или, как это было у гуннов, вдоль двух, Г-образно. Одновременно с наземными жилищами рядовым жильем служила полуземлянка, бытующая на Корейском полуострове с неолита до XVIII в. (Джарылгасинова Р.Ш., 1972, с. 126; Воробьев М.В., 1961, с. 11-18, 36, 37, 39, 46).

Конструкция жаровых каналов бохайских канов знает две разновидности: прорытых в земле и выстроенных из плоских камней (Шавкунов Э.В., 2001, с. 13, 14). Обогреваемые лежанки отмечаются трех видов: П- и Г-образные и прямые, снабженные одним или двумя, а прямые иногда и тремя дымоходными каналами (Бохай, 1994, с. 75-78, 80, рис. 6, *6, 7*; Артемьева Н.Г., 1998, рис. 134). Работы последних лет среди бохайских жилищ выделяют и полуземлянки с Г-образным одноканальным каном. Намечается относительная хронология жилищ с канами разных типов (Шавкунов В.Э., 2001, с. 174). В целом создается впечатление, что в этом обществе, взятом обобщенно, распространились и развивались все разновидности дымоходного отопления, сложившиеся к тому времени к востоку от Большого Хингана. Чжурчжэни в дальнейшем, как мы видели, обогатили бохайское наследство.

Археология Дальнего Востока предоставляет возможность существенно углубить во времени истоки отапливаемых лежанок. Средний слой Ауровского городища, в керамическом материале отразивший сосуществование трех раннесредневековых археологических культур, сохранил наземные дома середины I тыс. н.э. с весьма архаичным обогревательным устройством – одноканальным Г-образным каном. Принципиально сопоставимая с гуннскими канами, эта конструкция восходит к еще более ранней местной традиции (Шавкунов В.Э., 2001; Шавкунов В.Э., Гельман Е.И., 2002, с. 76, 77, 95, 106, рис. 2), занимавшей Южное Приморье и северо-восток Кореи (Коломиец С.А., 2005, рис. 93). Корни ее в Приморье непрерывной цепью культур уходят в древность. Так, Г-образные каны с выложенным камнями жаровым каналом применялись на заре средневековья носителями польцевской (ольгинской) культуры IV-VII вв. н.э. На ее памятниках известны и земляные (глиняные) каны (Артемьева Н.Г., 1998, с. 85, 87; Медведев В.Е., 2007, с. 492; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 25).

Вполне сформировавшиеся Г-образные одноканальные каны были обнаружены на поселениях кроуновской культуры Приморья, в целом одновременной известной культуре центральноазиатских гуннов и относимой по аналогиям в гуннских памятниках и в материалах Маньчжурии к III в. до н.э. – I в. н.э.[1] Каналы этих канов бывали перекрыты плоско уложенными и обрамлялись поставленными на ребро камнями (рис. 8), но иногда одной стенкой им служил земляной борт жилых котлованов, а второй формовался из глины. Ориентация входов кроуновских жилищ различна: они направлены на север (Окладников А.П., Бродянский Д.Л., 1979, с. 6-12, рис. 3, 4, 6), юг или восток (Деревянко А.П., Медведев

1Предлагалась и иная дата: I в. до н.э. – III в. н.э. (Бохай, 1994, с. 79).

В.Е., 2008, с. 21, 22). Учитывая конструкцию отопительных печей, имевших вид прямоугольных каменных ящиков, Д.Л. Бродянский связал само происхождение канов с этой археологической культурой и, следовательно, с дальневосточной традицией отопления (1975, с. 184; 1985, с. 48, 49; 2001, с. 341; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, рис. 5).

Высказывалось и другое мнение: каны были уже в готовом виде заимствованы со стороны (Шавкунов Э.В., 1990, с. 87). При этом справедливо отмечалось, что для кроуновской культуры типичны полуземлянки с очагами и каны не были распространенной системой отопления: они встречались не на каждом поселении, а на тех, где известны, – не в каждом доме. В углубленных жилищах (известны и наземные) прослежены нары, земляные полки-уступы и земляные нары (Бродянский Д.Л., 2001, с. 341). При всем том, число раскопанных кроуновских жилищ с канами постепенно растает (в Приморье из 40 раскопанных жилищ они найдены в 12), обнаружены не только одноканальные, но и двух- и даже трехканальные дымоходы (Бродянский Д.Л., 1985, с. 47; 2001, с. 341; Артемьева Н.Г., 1998, с. 85)[1]. Датировка же культуры под влиянием радиоуглеродной хронологии удревнилась (от конца V в. н.э. до II в. н.э.). Само поселение Кроуновка ныне относят к IV-III вв. до н.э., а жилища на сопке Булочка – к началу III – первой половине I в. до н.э.

Среди новых материалов (пос. Корсаковка 2) оказалась отапливаемая одним каналом лежанка П-образной формы (Бродянский Д.Л., 2001, с. 341), которых не встречено на известных гуннских поселениях. И хотя датировка самого раннего в Приморье П-образного кана оспаривается, раскопки множат факты существования в кроуновской культуре одноканальных П-образных канов (жилища 15б и 19б на поселении Булочка: Медведев В.Е., 2007, с. 491; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 20-22, 25, рис. 4) (Пьяный ключ: Сидоренко Е.В., 2007, с. 20, 21). К тому же выяснено, что такие каны были свойственны и последующей польцевской культуре (1-я половина I тыс. н.э.), пришедшей со Среднего Амура без канов и воспринявшей их уже на новых для себя землях (Андреева Ж.В., 1977, с. 147-153). Существенно, что в ряде мест польцевская культура сменила кроуновскую на тех же поселениях (Бродянский Д.Л., 2001, с. 340, 346; Медведев В.Е., 2007; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008).

Выходит, появление П-образных канов в Приамурье и Северной Маньчжурии – результат влияния приморских культур, знавших такие лежанки уже в начале III – первой половине I в. до н.э. В наибольшей степени это влияние было оказано позднее, в бохайское время, что привело к широкому распространению П-образных канов на указанных землях. Видимо, наблюдаемое главенство П-образных канов у монгольских народов, первоначальных обитателей Верхнего Амура, есть следствие тех же процессов. На то указывает и число их каналов, возрастающее со временем в связи с общей тенденцией эпохального развития отапливаемых лежанок.

Что же касается Г-образных одноканальных канов, то они редко, но применялись в культуре гуньтулин. Например, такие обогреваемые лежанки присущи жилищам городища Фэнлинь. Обнаруженные в бассейне Нижней Сунгари, они датируются раскопщиками III-IV вв. н.э. и считаются аналогичными кроуновским. У археологов возникает подозрение о заселении этих мест выходцами из Приморья (Коломиец С.А., 2005, с. 387, рис. 93; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 14).

Таким образом, можно заметить, что ныне археологической наукой отмечается два разных культурных региона, использовавших в гуннскую эпоху отопление жилищ этого типа: культура центральноазиатских гуннов, исследованная в Бурятии, и первоначально кроуновская, а затем и воспринявшая от нее польцевская культуры, бывшие в Приморье. Письменные источники эпохи позволяют дополнить полученную картину лежащей между этими районами Маньчжурией. К ее населению относится упоминание кана в «Хань шу»: «Копают в земле ровик и пускают отопительный огонь» (Воробьев М.В., 1983, с. 26). Форма кана здесь не оговорена, но одноканальный его характер ясен.

---

1 Столь раннее существование двойных и тройных дымоходов на о. Петрова оспаривается на основании изданной стратиграфической документации (Шавкунов В.Э., 2001, с. 174, 175). Доказательством же служит отсутствие на поселении поздних вещей и найденная в жилище 4 кроуновская керамика (Бродянский Д.Л., 2001, с. 341).

В предшествующей культуре раннего железного века Приморья, янковской, вдоль стен иногда прослеживаются нары, но канов, насколько известно, не встречено, как нет их и на изученных памятниках бронзовой и неолитической эпох (Сидоренко Е.В., 2007, с. 20, 25, 32, 34, 131; Батаршев С.В., Попов А.Н., 2008).

Д.Л. Бродянский (1985, с. 47, 49) связывает возникновение канов не только с кроуновской культурой побережья Японского моря, но и с одновременными культурами тхэсонри в Корее и верхних слоев сяцзядянь в Маньчжурии[1]. Мне думается, что при такой географии вопрос о местном изобретении или заимствовании канов в Приморье не принципиален.

Прослеживая земли ранних канов и соотнося их с теми или иными этно-лингвистическими общностями, следует учитывать, что до III-II вв. до н.э. сами когурёсцы обитали вдалеке от моря, в Маньчжурии, к северу и северо-западу от современной Кореи – в верховьях рр. Хуньхэ и Ялу (Амноккан) (современные пров. Ляонин и Гирин, КНР). Продвижение их вглубь полуострова происходит в первой половине I тыс. н.э. (Воробьев М.В., 1994, с. 166, 167, карты 1, 3, 4).

8. Отопительные дымоходы, не относящиеся к канам

Необходимо сказать, что на Нижнем Амуре отопительные дымоходы обнаруживаются в глубокой древности: деревянные обмазанные глиной конструкции, отводящие тепло очага («нечто похожее на вытянутые ящики или трубы» или «ящикообразные трубы») были открыты при раскопках жилища 84 на острове Сучу. Округлая в плане большая землянка (13,2 х 15 м, глубиною 2 м) принадлежит к поздненеолитической вознесеновской культуре (сер. III – сер. II тыс. до н.э.) и по радиоуглероду датируется второй четвертью II тыс. до н.э. (Медведев В.Е., 2006, с. 193, 194; Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В., 2007, рис. 7, 8). Углубленные жилища (от 0,6 до 1,5 м) были свойственны не всем неолитическим культурам Приамурья, но уже с VI тыс. до н.э. они обычны для низовьев реки, по преимуществу круглы и, не смотря на различия в устройстве крыши, отличаются значимой для нашей темы общей устойчивой традицией интерьера – земляными уступами-лежанками вдоль стен (Медведев В.Е., 2005, с. 237, 244, 245, 250, 251, 254, 255, рис. 61, *1*; 2006, с. 191, 193, рис. 1, 2)[2].

Мне думается, что, ради классификационной и терминологической точности, не следует считать и называть канами такие ранние теплоотводы, как на Сучу, поскольку перед нами еще не отапливаемая лежанка и основой обогрева жилья остается очаг – он размещен в центре дома в стороне от грунтовых нар. Но идея жарового канала, повышающего теплоотдачу очага, здесь уже налицо и, судя по всему, приамурской культурой она достигнута самостоятельно.

В неолитических землянках прибрежных районов северо-востока Кореи (пров. Хамгён-пукто), культурно близких Приморью, впервые обнаруживаются не только очаги в виде простых ям, но и «впоследствии в виде примитивного кана», дымоход которого выложен из нескольких рядов каменных плиток (Сонпхён) (Воробьев М.В., 1961, с. 12, 18, 23, 29, 30).

Говорить о непрерывной истории обогревательных каналов в обоих регионах со столь раннего времени, пожалуй, преждевременно, поскольку в отношении эпохи бронзы и раннего железного века этих мест в доступной литературе не удалось отыскать даже таких общих упоминаний интересующего нас вида отопления[3].

---

1 Допускаемая при этом возможность продвижения устройств типа канов с запада, с территории Казахстана, основана на смешении двух разных типов отопления: напольного (дальневосточного, о котором идет речь) и подпольного (западноазиатского и казахстано-сибирского, известного для шумерской и алакульской культур эпохи бронзы). Это различие специально разобрано Л.Р. Кызласовым при выявлении влияния разных культур на архитектуру гуннского дворца, раскопанного под г. Абаканом (1992, с. 47-49; 2001, с. 84-87).

2 Неолитические землянки в соседнем ареале палеоазиатских племен лишены земляных лежанок (например, у палеоительменов: Пономаренко А.К., 2005) (как их нет и в кондонской культуре Нижнего Амура: Медведев В.Е., 2006, с. 191, 192), но позднее они отмечены в канчаланской и древнекорякской культурах (Орехов А.А., 2005, с. 347).

3 Говоря о раннем железном веке Северо-Восточного Китая, М.В. Воробьев (1994, с. 94) предположительно указывает на остатки отопительного дымоходного канала, вскрытого на

Следует заметить, что самостоятельное изобретение обогревательных каналов, отводящих тепло от очага, прослежено для древностей и других регионов Евразии (Кызласов Л.Р., 2001, с. 84-87).

Полезно рассмотреть здесь известную ныне общую картину таких изобретений ради того, чтобы в нашем поиске, вопреки довольно распространенной в литературе традиции, отчленить системы, не принадлежащие к канам, т.е. не служившие обогреву лежанок, возвышавшихся над полом.

Таковы, прежде всего, рано сложившиеся и широко распространившиеся дымоходы *подпольного* отопления. Возникновение дымовых каналов Л.Р. Кызласовым связывалось с опытом металлургов бронзового века, и для раннего появления подпольного отопления выделялось два самобытных центра: в северных широтах – Центральный Казахстан, в южных – Двуречье. Именно последняя, западноазиатская по происхождению форма в I в. до н.э. на Западе достигла римских, а на Востоке гуннских владений и была применена при строительстве Ташебинского дворца на Енисее (Кызласов Л.Р., 2001, с. 78-87).

Типологически наиболее близкий казахстанскому центру древнейший принцип единственного короткого канала, идущего от очага-тандыра под полом небольшого помещения, характерен для жилищ Отрара по крайней мере от монгольского времени до этнографической современности (рис. 9), захватывая сельские жилища всего среднего течения Сырдарьи (Ерзакович Л.Б., 1983; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, рис. 19, 20, 32-35, 45, 47, 54, 56, 82).

Такой обогрев не только отличается от канов Поволжья, Хорезма (Федоров-Давыдов Г.А., 1983, с. 220; 1994, с. 75) или собственно монгольских XIII-XIV вв., но и не связан с ними, как и с канами вообще. Поэтому именовать южноказахстанский тип каном незачем[1].

Его явной отличительной особенностью служит и дымоотводная труба, проходящая внутри стены помещения (часто в его углу). Эта конструкция с большой вероятностью указывает на возникновение тандырных калориферов в однокамерных жилищах (которые, с хозяйственными пристройками, сохранились до современности – Ерзакович Л.Б., 1983, рис. 4), т.е. много раньше временного рубежа, прослеженного ныне археологами. С учетом скрытого расположения трубы внутри жилища (что выявляет наследие каминов), тандырное канальное отопление южноказахстанского типа следует, пожалуй, характеризовать не как подпольное, а как подпольно-внутристенное. Характер его не меняется со временем, поскольку с углублением при входе малой части пола (несущей водослив-ташнау), лежанкой-суфою по сути становится пол, приподнятый на всей прочей площади комнаты (рис. 10). О том же говорят факты XVI-XVII вв., когда суфа отсутствует, а тандыр с коротким дымоходом находится в глинобитной вымостке. Подпольная суть отопления ясна археологам Казахстана, нередко оговаривающим: «суфа занимает всю поверхность помещения», «в этом случае поверхность суфы и есть уровень пола», «жилое помещение с суфой на всю площадь» и т.п. (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, с. 20, 31).

По публикациям сложно понять, для какого времени исследователи считают тандырный тип канального обогрева пола («суфы») новшеством: если первоначально такие ранние конструкции в Отраре относили к VII-VIII вв. (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 65) и X-XI в. (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 69, 72, 73) (отмечая канал внутри суфы: Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 65), то в конце 80-х гг. обобщенно называли уже только XIII-XV вв., имея, очевидно, в виду широкое распространение этих устройств в жилищах IV горизонта (последняя треть XIV – вторая половина XV вв.: Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, с. 30, 220; ср. здесь рис. 15 и 19). До этого для них,

---

поселении Ляньхуабао (пров. Ляонин) .

1 Ср.: расширительное определение: «Каны – система отопления с очагом и дымоходными каналами, проложенными под полом или в суфе» (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 65). Здесь нельзя также следовать и народной речи, согласно Л.Б. Ерзаковичу, применяющей в этом случае слово *кан*, а место у очага зовущей *кан басы* «началом кана» (1983, с. 89, прим. 8). У народа своя систематика (см. натяжки в определении кана, допускаемые в угоду ей автором). Сам термин *кан* в казахском языке явно заимствованный и его история, принуждая искать прототипы на востоке, на деле не соответствует истории изучаемого подпольного отопления долины Сырдарьи.

однако, указывались только вторая половина XIII – первая половина XIV в. (Ерзакович Л.Б., 1983, с. 82-84) и сообщалось об обнаружении в слоях первой половины XII в. единичного, но подобного устройства в руинах ближайшего к Отрару городища Кайруктобе (Байпаков К.М., 1981, с. 431), а аналогии конструкции находились в присырдарьинских и семиречинских областях с VI в. (Ерзакович Л.Б., 1983, с. 90)[1]. Для городища Баба-Ата Е.И. Агеева и Т.Н. Сенигова описывают тандыры с подпольным дымоходом в помещениях 4 и 6 цитадели X-XII вв. и комнатах 10 и 13 в шахристане конца XII – XIII в. Исследовательницы указывают и одновременные аналогии («того же типа каны») (1962, с. 148-149, 158, 161). Однако позднее, обобщающая картину учебная литература вновь отмечает тандыры с дымоходами лишь среди новых городских черт второй половины XIII – первой половины XIV вв. Вопросы происхождения такой отопительной системы не поднимаются (Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К., Жумаганбетов Т., 1993, с. 267). И все же они могут быть поставлены.

Судя по описанию жилищ предшествующего времени, интересующее нас устройство не имеет подобий не только в долинах Сырдарьи, но и в большинстве смежных районов Средней Азии – повсюду в VI – начале XIII в. господствовали открытые очаги и камины (Неразик Е.Е., 1976, с. 174, 186, рис. 107, 108). Насколько известно, сами тандыры распространяются в Южном Казахстане лишь во второй половине X в. (Байпаков К.М., 1986, с. 83-88, 148-159), хотя их подобия отмечены в Хорезме в VII-VIII вв. (Неразик Е.Е., 1976, с. 174, 175). Только в бассейне р. Чу, в Юго-Западном Семиречье, на городище Актобе Степнинское дома уже в X-XI вв. отапливались «тандыровидными очагами» (Неразик Е.Е., 1976, с. 189), а то и «специальными тандырами с короткими дымоходами, проложенными в суфе и выведенными наружу при помощи вертикального колодца в стене» (Байпаков К.М., 1986, с. 154, рис. 22, *2*)[2]. Таким образом, не приходится сомневаться в появлении здесь связанного с тандырами подпольного отопления задолго до монгольского нашествия. Однако отыскивать его прототип на применявшем каны Востоке (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 66), исходя из конструктивных различий, нет оснований.

В монгольское время тандырное канальное отопление распространяется на Хорезм и бытует в нем в позднее средневековье. Однако каны здесь отсутствуют (Неразик Е.Е., 1976, с. 190, 192).

Третья известная самобытная традиция отопительных каналов-дымоходов, проходящих не внутри лежанок, а под полом наземных помещений, характерна для Кореи. Она называется *ондоль* и имеет горизонтальные многократно ветвящиеся жаровые каналы, сходящиеся в горизонтальный дымоотвод, соединяющийся в высокую вертикальную трубу за стенами жилища[26] (Джарилгасинова Р.Ш., 1979, с. 220, 224). Время появления этой системы отопления пока не установлено. Указание В.С. Старикова (1967, с. 66, 67) на прототип ондоля, встреченный в неолите Кореи, вероятно, вызвано неясностью описания в использованном им тексте М.В. Воробьева (возможно, и его корейского источника) и не соответствует мнению самого М.В. Воробьева, пишущего лишь о канах (1961, с. 12, 23). О ранних (неолит – бронзовый век) прототипах ондоля, упоминает и Р.Ш. Джарилгасинова, однако, относящая археологические свидетельства этого ко II-I тыс. до н.э. (1979, с. 217, 220, 221). По данным исследовательницы на Корейском полуострове ондоль становится преобладающей формой отопления, только начиная с XII-XIII вв. При династии Цин ондоль продвинулся в Маньчжурию и Северный Китай, где использовался в домах знати (Стариков В.С., 1967, с. 67).

Для нашей темы важно, что в северной части Кореи в раннем средневековье и в древности отмечается не ондоль, а каны[27], происхождение которых, несомненно, связано с углубленными жилищами: землянками и полуземлянками (Джарилгасинова Р.Ш., 1979, с.

1 Авторы (см. также: Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 65) ссылаются на статью Е.Е. Неразик, из контекста которой, однако, ясно, что речь идет о материалах, близких к VIII в. (1968, с. 204). Связывать их с канами уйгуров Турфана (Ерзакович Л.Б., 1983, с. 90) нет оснований, поскольку в Приаралье, как и на Средней Сырдарье, отопительные каналы, «проведены не в суфах, а просто под полом».

2 Указание на городище Красная речка, где такая отопительная система отмечена в помещении IX-X вв., видимо, надо снять: в базовой для автора публикации П.Н. Кожемяко нет упоминания о коротких дымоходах, описаны очаги-камины (1967, с. 85, 86), тот же тип тандыра-камина, представляет, судя по всему, и приводимая фотография (Байпаков К.М., 1986. Рис. 22, *2*).

221).

***

Возвращаясь к собственно канам и отыскивая показательные основы связанного с ним жилого интерьера, нам, видимо, следует постоянно помнить, что его начальная основа – землянка четырехугольного плана со скругленными углами – на Нижнем Амуре и в Приморье не может служить признаком лишь тунгусо-маньчжурской культурной среды, поскольку восходит к древней палеоазиатской форме дома, сохранившейся на Сахалине до середины XIX в. у нивхов (гиляков). Для этого палеоазиатского народа характерны и П-образные нары, занимавшие три стены жилища против входа. Именно эти дома с очагами были к приходу русских вытеснены на Амуре фанзами с канами по всем четырем стенам (Народы Сибири, 1956, с. 868; Токарев С.А., 1958, с. 514 (рис.), 517, 518; Попов А.А., 1961, с. 139, 153, табл. IV, *9, 10,* XXIII, *4, 5*), заимствованными от маньчжуров (Стариков В.С., 1967, с. 66). Однако, как видим, и в этом случае появление кана принципиально не изменило консервативной внутренней планировки жилищ.

Столь поздний пример, по моему мнению, позволяет понять, что распространение обогреваемых лежанок происходило прежде всего в тех культурах, которые издревле имели жилища с земляными или деревянными нарами. Землянки с нарами вдоль стен были характерны не только для палеоазиатских народов и их предков, но и для уникальных по языку айнов (Арутюнов С.А., 1965, с. 944).

В целом на примере дальневосточных древностей России заметно, что устройство внутреннего пространства жилища (отмеченного здесь лежанками по периметру) – весьма консервативная и потому основная отличительная бытовая особенность, сохраняющаяся веками даже при изменении геометрической формы самого дома и его отношения к земной поверхности. Возникнув в землянках как простые грунтовые уступы, лежанки видоизменяются в нары разной конструкции с кардинальным изменением типа домостроительства – с возобладанием наземных построек. Эволюция же отопительной системы проходит уже внутри давно сложившегося интерьера[1]. Следуя логике развития лежанок, особенностью наземного домостроительства приходится считать только каны, снабженные дымоходными каналами сложенными из камня. Тогда появление этой разновидности в землянках будет актом обратного влияния новой формы домов на старую.

Этнографами уже высказывалась мысль, о том, что прототипом наземного жилища с каном (как и с ондолем) послужили углубленные каркасные жилища: землянки или полуземлянки. Уже 30 лет назад появление кана было отнесено к протокорейско-маньчжурской среде рубежа н.э. (Бернова А.А., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В., 1979, с. 257, 260). Произведенный выше обзор дальневосточных древностей позволяет думать, что система отопления, вслед за чжурчжэнями именуемая канами, складывается в довольно обширной, но вполне определенной культурной зоне, протянувшейся от Корейского полуострова и Восточной Маньчжурии на юге и юго-западе до нижнего течения Амура на севере. С моей точки зрения, известные ныне археологические материалы подкрепляют выделение этой зоны в родину кана, однако, понимаемую не этнически и лингвистически (в ту эпоху отнюдь не всюду занятой носителями тунгусо-маньчжурских или даже вообще алтайских языков), а культурно-географически. Создавшие кан племена обладали континентальными традициями хозяйства. И время появления отапливаемых лежанок следует удревнить – к прославившему гуннов III веку до н.э. этот тип отопления в названных землях уже должен был существовать.

Изложенное создает впечатление, что интерьер с каном не изначален для тунгусо-маньчжурских жилищ. Возможно, он в виде Г-образной лежанки с одним дымоходным каналом пришел в Приморье и Приамурье в гуннскую эпоху с палеоазиатского Юго-Востока. В материальный комплекс, характеризующий сложение и развитие тунгусо-маньчжурской общности с III в. до н.э., археологи Дальнего Востока не вводят жилища с канами (Дьякова О.В., 2008а, с. 63, 64, 67, 68), дотунгусские названия частей кана сохранились, как помним, у

1 Любой тип очага в истории человечества, разумеется, в конце концов, восходит к открытому костру, расположенному в центре однокамерной постройки. Однако этот этап культурогенеза лежит вне пределов нашей темы.

нанайцев (Бродянский Д.Л., 2001, с. 345: мнение В.И. Цинциус). Широкое же распространение дымоходного отопления лежанок, археологически надежно наблюдаемого на обширных пространствах Восточной и Центральной Азии начиная с последних веков до н.э., можно думать, является уже исторической заслугой тунгусо-маньчжурских народов раннего средневековья.

Сказанное, прежде всего, распространяется на Г-образные каны, но, насколько удается проследить, первоначальная историческая судьба П-образных форм также во многом зависит от той же культурно-лингвистической среды, передавшей эстафету монголоязычным народам Амура. Когда и при каких условиях это произошло, предстоит установить при будущих изысканиях.

9. Новый вид алтайской проблемы

Следует признать, что культура гуннов, доступная нашему изучению по своим поселенческим памятникам, в целом принадлежит не к центральноазиатскому, а к крайнему дальневосточному культурному кругу. В нашей литературе давно уже именуют эту самобытную историко-культурную общность приморско-маньчжурской или приамурско-маньчжурско-корейской археологической провинцией (А.П. Окладников) (Бродянский Д.Л., 1975). Однако привлеченные к нашей теме материалы позволяют в свою очередь разделить очерченный ареал на две разные культурные части. Верхнее Приамурье не связано с ранней историей канов. К другой части, маньчжуро-корейско-приморской, и принадлежит гуннская культура. Принадлежит как по системе домостроительства и отопления, так и по особенностям хозяйства, на Иволгинском городище среди прочих отраслей знавшего свиноводство и мясное собаководство (Давыдова А.В., 1956, с. 299; 1995, с. 47; Бродянский Д.Л., 1975, с. 184, 185; 1985; 2001, с. 344).

Если это так, *к востоку и юго-востоку от гребней Большого Хинганского хребта, по-видимому, следует искать и прародину самих гуннов*.

Как бы то ни было, *археологические данные отторгают культурогенез центральноазиатских гуннов от тюркских народов древности,* по облику и обогреву жилищ *сближая его с последующим тунгусо-маньчжурским (и, быть может, с культурно близким ему в древности монголоязычным), а также и более всего – предшествующим и одновременным, вероятно, палеоазиатским миром*.

Представленный археологический материал, по моему мнению, позволяет сделать и более значимый вывод, поскольку он не может быть соотнесен с основным положением алтайской гипотезы. Напротив, он выглядит серьезным антиалтаистским свидетельством в той сфере, которая касается изначального единства и родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и их носителей.

Археология встает на сторону тех языковедов, которые улавливают в близости языков процессы давнего и длительного воздействия изначально разнородных культур, в итоге приведшего к сложению «специфической тюркско-монгольской языковой общности контакционного типа», по своему содержанию не имеющей ничего общего со связями генетическими (Щербак А.М., 1994, с. 184; 2005, с. 157)[1]. Уводя от поздней культурной близости тюркских и монгольских народов, этнографами и историками наших дней относимой к одному хозяйственно-культурному типу, археологические разработки показывают, как с углублением в века убывают черты современного сходства. Тем самым результат изучения древностей вторит алтаистам, отрицающим генетическое родство языков: «В настоящее время тюркский и монгольский языковые типы весьма схожи; однако, в более ранние периоды эти языки обнаруживают очень различные системы» (Дёрфер Г., 1972, с. 62).

Поскольку «влияние тюркских языков на монгольские было во много раз сильнее, чем обратное» (Щербак А.М., 1994, с. 149), такое нельзя отнести за счет окраинного контакта двух языковых ареалов. Недостаточным для сложения такой ситуации кажется и неоднократно отмеченное в раннесредневековых источниках политическое господство

1 Тунгусо-маньчжурские языки стоят дальше от тюркских, чем монгольские.

тюркоязычной среды над монголоязычной (скажем, зависимость шивэй или киданей от тюрок, отмеченная в «Таншу»). Правдоподобным объяснением представляется только длительное двуязычие народов монгольской группы, сложившееся в условиях ассимиляции предшествующего им тюркоязычного населения – раннесредневековых аборигенов нынешней Монголии и смежных с нею земель. Такое наслаивание языков, происходившее с расселением прежде лесных верхнеамурских монголоязычных племен в новых для них природных условиях степей Центральной Азии, в наибольшей мере проясняет социальную природу лексических параллелей, прослеженных во всех тематических разделах и, прежде всего, массовые заимствования природно-географических и хозяйственных тюркских терминов в монгольские языки (Clauson G., 1973; Кызласов Л.Р., 1975в; 1992, с. 147-162; Щербак А.М., 1997). Сознательная политическая преемственность средневековых монголоязычных государств от каганатов тюркоязычных народов привела к восприятию соответствующей лексики, включая титулатуру. Именно «такое смешение неродственных языков, когда не остается непроницаемых сфер и когда практически трудно разграничить свое и чужое» (Щербак А.М., 1994, с. 169) возникает при языковой ассимиляции населения. Обратное воздействие – из монгольских языков в тюркские – приобрело значительные масштабы лишь вслед за событиями XIII в. (Щербак А.М., 1994, с. 165-168, 185).

Археологические данные в изученной сфере домостроительства и устроения жилого пространства указывают на значительно большее культурное родство монгольских и тунгусо-маньчжурских народов средневековья, как и на культурную преемственную их связь с корневыми особенностями, присущими памятникам центральноазиатских гуннов, начиная со II до н.э. Природа этого родства и этих связей нуждается в дальнейшей разработке.

Первоначально едино воспринимавшая урало-алтайская языковая общность была затем обоснованно расчленена на две самостоятельных языковых семьи: уральскую и алтайскую. По-видимому, ныне назревает подобное типологическое разделенияе культурно-генетических корней носителей алтайской языковой семьи на две самостоятельные части. Следовательно, гипотетического общего алтайского праязыка, видимо, никогда не существовало. Во всяком случае, первичная обособленность тюркской группы от монголо-тунгусской подтверждается не только историко-лингвистическими, но и, как мы видели, историко-культурными, археологическими данными.

Согласно такой системе взглядов, алтайская теория обогащается новым подходом к объяснению единства рассматриваемых ею языков через исторические связи народов, обладавшими этими языками, а алтайская гипотеза их генетического родства, опиравшаяся лишь на лингвистические явления, не только в глазах ряда языковедов, но уже и в глазах археолога утрачивает общенаучную познавательную ценность.

В том и состояла цель этой статьи. Следовало показать принципиальную новизну ситуации, ибо сегодня алтайская проблема вышла за пределы языкознания и распространилась на область археологии. Средствами этой науки надлежит теперь проверить и пополнить наиболее глубокую хронологическую часть изложенных мною данных. От правильно поставленной разработки древностей мы вправе получить не только хронологические, но и географические определения, а с ними обоими и наиболее ценное – поэтапно и пространственно определенное историческое развитие и взаимодействие предковых культур алтайских народов. Алтайская проблема в археологии не может найти быстрого решения, но это решение может быть найдено.

Тюркские языки и культуры, длительная история которых ныне может быть освобождена от гипотезы алтайского прародства, заслуживают самостоятельного сравнения с иными языковыми семьями, они приобретают право на сопоставление независимое от монголо-тунгусо-маньчжурских соответствий.

Напомню, что такие исследования известны старой тюркологии: «Я считаю, – писал, например, Ю. Немет, – что в отношении урало-тюркского языкового родства мы располагаем… явными доказательствами» (1963, с. 127).

Ради постижения изначальной истории и отыскания прародины тюркскую языковую семью, как мы видели, следует отчленить от алтайской и, рассматривая самостоятельно, детально заняться лингвистически и археологически той длительной и сложной историей,

которая была пройдена наиболее ранними тюркскими народами и их по-настоящему древними и раннесредневековыми потомками. Не выпуская из внимания следов тех реальных процессов, которые на разных этапах сближали их с индоевропейскими, финно-угорскими, древнекитайскими, древнемонгольскими и иными по языку народами.

Понятно, что такой подход меняет взгляд на начальные этапы истории тюркских народов, размещение их прародины и ее этнокультурное окружение. Однако смена ориентиров научных поисков позволяет свести воедино многие весьма существенные, но поныне разрозненные факты лексико-этимологического, археологического, руно-палеографического и историко-культурного свойства. Изложенные мною ранее некоторые аргументы такого рода указывают на западноазиатское происхождение тюркоязычных народов (Кызласов И.Л., 1994; 1996; 1998; 2000, с. 14; 2005; 2007, с. 86-88). Вряд ли случайно это вновь сближает мои позиции со сформировавшимся на иной основе мнением Ю. Немета (1963, с. 127, 128), опубликованном еще в 1934 г.

Как выясняется, проблема тюркской прародины прямо не связана не только с алтайской гипотезой, но и с алтайской теорией. И рассматривать ее в дальнейшем следует отдельно.

Библиографический список

1. Агеева, Е.И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата) // Археологические исследования на северных склонах Каратау (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 14) / Е.И. Агеева, Т.Н. Сенигова. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1962. – С. 117-219.
2. Акишев, К.А. Древний Отрар / К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 215 с.
3. Акишев, К.А. Отрар в XIII-XV веках / К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 255 с.
4. Андреева, Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н.э. – VIII в.н.э.) Ж.В. Андреева. – М.: Наука, 1977. – 240 с.
5. Арутюнов, С.А. Айны // Народы Мира. Народы Восточной Азии / С.А. Арутюнов. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 942-954.
6. Артемьева, Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII-XIII вв.) / Н.Г. Артемьева. – Владивосток: Дальпресс, 1998. – 302 с.
7. Артемьева, Н.Г. Происхождение чжурчжэньской отопительной системы кан и ее эволюция в Поволжье // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов IV Международной археологической конференции / Н.Г. Артемьева. – Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей, 2008. – С. 10-13.
8. Ахинжанов, С.М. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР. Серия общественная / С.М. Ахинжанов, Л.Б. Ерзакович. – Алма-Ата, 1972. – № 2. – С. 64-69.
9. Байпаков, К.М. Раскопки городища Куйруктобе // АО-1980 / К.М. Байпаков. – М.: Наука, 1981. – С. 431-432.
10. Байпаков, К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья / К.М. Байпаков. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1986. – 255 с.
11. Байпаков, К.М. Археология Казахстана / К.М. Байпаков, Ж.К. Таймагамбетов, Т. Жумаганбетов. – Алматы: Республиканский издательский кабинет, 1993. – 362 с.
12. Батаршев, С.В. Памятник Сергеевка-1 на Приханкайской равнине и проблемы культурной типологии среднего неолита Приморья // АЭАЕ / С.В. Батаршев, А.Н. Попов. – 2008, № 3. – С. 2-13.

13. Бернова, А.А. Заключение // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / А.А. Бернова, Н.Н. Чебоксаров, Я.В. Чеснов. – М.: Наука, 1979. – С. 249-266.

14. Бичурин, Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950а. – Т. I. – 381 с.

15. Бичурин, Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950б. – Т. II. – 335 с.

16. Болотин, Д.П. Народы и культуры Приамурья в позднем средневековье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / Д.П. Болотин. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 615-635.

17. Бохай – Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России. – М.: Наука, 1994. – 219 с.

18. Бродянский Д.Л. Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в IV-I тысячелетиях до н.э. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий / Д.Л. Бродянский. – Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1975. – С. 179-185.

19. Бродянский Д.Л. Кроуновско-хуннские параллели // Древнее Забайкалье и его культурные связи / Д.Л. Бродянский. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 46-50.

20. Бродянский Д.Л. Палеометалл Приморья: итоги и проблемы // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / Д.Л. Бродянский. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001. – С. 332-351.

21. Васильев, Ю.М. Покровская культура Приамурья (IX-XIII вв.) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / Ю.М. Васильев. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 592-614.

22. Васильев, Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX-XIII вв. н.э.) / Ю.М. Васильев. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 371 с.

23. Викторова, Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / Л.Л. Вяткина. – М.: Наука, 1980. – 224 с.

24. Воробьев, М.В. Древняя Корея. Историко-археологический очерк / М.В. Воробьев. – М.: Изд. восточной литературы, 1961. – 190 с.

25. Воробьев, М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк / М.В. Воробьев. – М.: Наука, 1975. – 447 с.

26. Воробьев, М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.) / М.В. Воробьев. – М.: Наука, 1983. – 367 с.

27. Воробьев, М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно) / М.В. Воробьев. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 409 с.

28. Вяткина, К.В.Жилище народов Китая. Жилища народов монголоязычной группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / К.В. Вяткина, В.С. Стариков, Н.Н. Чебоксаров. – М.: Наука, 1979. – С. 190-193.

29. Гирфанова, А.Х. Ареальная и хронологическая статификация тунгусо-маньчжурского языкового континуума // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / А.Х. Гирфанова. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 317-326.

30. Гунчев, Гунчо Ст. Уземните къщи в Дунавска България / Г.С. Гунчев. – София, 1934 – 76 с. (Отд. отт. из Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Кн. XXX. 14).

31. Давыдова, А.В. Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА / А.В. Давыдова. – 1956. – Т. XXV. – С. 261-300.

32. Давыдова, А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье / А.В. Давыдова. – Л.: Изд. ЛГУ, 1985. – 111 с.

33. Давыдова, А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище / А.В. Давыдова. – СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. – 287 с.

34. Давыдова, А.В. Комплекс археологических памятников у села Дурёны / А.В. Давыдова, С.С. Миняев. – СПб.: Фонд «АзиатИКА», 2003. – 164 с.

35. Деревянко, А.П. К проблеме преобразования культур поздней фазы древности на юге Приморья // АЭАЕ / А.П. Деревянко, В.Е. Медведев. – Новосибирск, 2008. – № 3. – С. 14-35.

36. Деревянко А.П. Институт археологии и этнографии СО РАН: основные результаты научной деятельности в области археологии // АЭАЕ / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, М.В. Шуньков. – 2007. – № 2. – С. 2-23.

37. Деревянко, Е.И. Племена Приамурья I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры / Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Наука, 1981. – 333 с.

38. Дёрфер Г. Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? // Вопросы языкознания / Г. Дёрфер. – 1972, № 3. – С. 50-66.

39. Джарылгасинова, Р.Ш. Древние когурёсцы. К этнической истории корейцев / Р.Ш. Джарилгасинова. – М.: Наука, 1972. – 202 с.

40. Джарылгасинова Р.Ш. Жилище корейцев // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / Р.Ш. Джарилгасинова. – М.: Наука, 1979. – С. 216-227.

41. Добродомов, И.Г. Типы поселений. Историческая эволюция // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / И.Г. Добродомов. – М.: Наука, 2006. – С. 438-454.

42. Добродомов, И.Г. Типы поселений ранних тюрок. Историческая эволюция // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / И.Г. Добродомов. – М.: Наука, 2008. – С. 195-218.

43. Долгих, Б.О. Народы Сибири // Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР / Б.О. Долгих, М.Г. Левин. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – С. 275-358.

44. Дыбо, А.В. Материальный быт. Жилище // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – С. 455-476.

45. Дыбо, А.В. Материальный быт ранних тюрок. Жилище // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2008а. – С. 219-272.

46. Дыбо, А.В. Заимствования в словаре Махмуда Кашгарского из языков Синьцзяна // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева / А.В. Дыбо. – М.: Тезаурус, 2008б. – Вып. III. – С. 69-82.

47. Дьякова, О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (4-10 вв.) / О.В. Дьякова. – М.: Наука, 1984. – 203 с.

48. Дьякова, О.В. Раннесредневековые жилища Дальнего Востока СССР (источники, реконструкции, интерпретации) // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР / О.В. Дьякова. – Владивосток: Дальневосточное отд. АН СССР, 1987. – С. 51-66.

49. Дьякова, О.В. О корреляции раннесредневековых культур Приамурья // Материальная культура Востока / О.В. Дьякова. – М., 1988. – Ч. II.

50. Дьякова, О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства) / О.В. Дьякова. – Владивосток, 1993. – Ч. I-III. – 290 с.

51. Дьякова, О.В. Тунгусо-маньчжуры: этническая история и этногенез в археологических и этнографических ретроспекциях // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / О.В. Дьякова. – Владивосток: Дальнаука, 2008а. – С. 61-70.

52. Дьякова, О.В. Происхождение тунгусо-маньчжуров как результат миграционных процессов в Азии // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов IV Международной археологической конференции / О.В. Дьякова. – Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей, 2008б. – С. 36-38.

53. Захарова, И.В. Жилище некитайских народов Северного Китая. Жилище народов тюркоязычной группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / И.В. Захарова, Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1979. – С. 186-190.

54. Егоров, В.Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959-1965 гг.) // Поволжье в средние века / В.Л. Егоров. – М.: Наука, 1970. – С. 172-193.

55. Егоров, В.Л. Жилища населения Монгольской Народной Республики // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / В.Л. Егоровой, Н.Л. Жуковская. – М.: Наука, 1979. – С. 198-215.

56. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В.С. Таскина / Е Лун-ли. – М.: Наука, 1979. – 607 с.

57. Ерзакович Л.Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Л.Б. Ерзакович. – Алма-Ата: Наука, 1983. – С. 81-93.

58. История – История Железной империи. Пер. и коммент. Л.В. Тюрюминой / История Железной империи. – Новосибирск: Изд. ИАЭт СО РАН, 2007. – 355 с.

59. Казакова, Е.А. Антропологическое исследование населения мохэской культуры по материалам Троицкого могильника (одонтологический аспект) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / Е.А. Казакова. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 175-181.

60. Канторович, А.Р. Ранний железный век // Археология. Учебное издание. Под ред. акад. В.Л. Янина / А.Р. Канторович. – М.: Изд. Московского университета, 2006. – С. 271-397.

61. Киселев, С.В. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города / С.В. Киселев. – М.: Наука, 1965. – С. 23-58.

62. Киселев, С.В. Ремесленно-торговые кварталы Кара-Корума // Древнемонгольские города / С.В. Киселев, Н.Я. Мерперт. – М.: Наука, 1965. – С. 173-182.

63. Кляшторный, С.Г. Степные империи древней Евразии / С..Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.

64. Кожемяко, П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана / П.Н. Кожемяко. – Фрунзе: Илим, 1967. – С. 53-90.

65. Коломиец, С.А. Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока России // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / С.А. Коломиец. – Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 381-393.

66. Константинова, О.А. Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / О.А. Константинова. – Л.: Наука, 1972. – С. 224-256.

67. Кормушин, И.В. Предисловие // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / И.В. Кормушин, Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Изд. Индрик, 1997. – С. 5-9.

68. Крюков, М.В. Древнее жилище народов Китая // Типы традиционного сельского жилища

народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / М.В. Крюков. – М.: Наука, 1979. – С. 123-136.

69. Крюков, М.В. Древние китайцы в эпоху централизованных империй / М.В. Крюков, Л.С. Переломов, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров. – М.: Наука, 1983. – 415 с.

70. Кузьменков, Е.А. Киданьский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / Е.А. Кузьменков. – М.: Изд. Индрик, 1997. – С. 87-90.

71. Кызласов, И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1981.

72. Кызласов, И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X-XIV вв. (САИ, вып. Е3-18) / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

73. Кызласов, И.Л. Рунические письменности евразийских степей / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1994. – 327 с.

74. Кызласов, И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // РА / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1996. – № 3. – С. 73-88.

75. Кызласов, И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II и III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА / И.Л. Кызласов. – 1998. – № 1, 2. – С. 71-83, 68-84.

76. Кызласов, И.Л. Руническая эпиграфика древних болгар. I. Кубанские надписи на двух сосудах // Татарская археология / И.Л. Кызласов. – Казань, 2000. – № 1-2. – С. 5-18.

77. Кызласов, И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей / И.Л. Кызласов. – М. – Самара: Изд. Института археологии РАН, 2005. – 94 с.

78. Кызласов, И.Л. Тюркские каганаты // Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан / И.Л. Кызласов. – М. – Уфа, 2007. – С. 86-93.

79. Кызласов, И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. Древнетюркские обиталища // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / И.Л. Кызласов. – М.: Восточная литература РАН, 2008а. – С. 273-341.

80. Кызласов, И.Л. К уяснению самобытности гуннского общества: исторические и археологические особенности // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история / И.Л. Кызласов. – Владивосток: Дальнаука, 2008б. – С. 39-71.

81. Кызласов, Л.Р. Таштыкская эпоха (I в. до н. э. — V в. н. э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд. Московского университета, 1953 – 16 с.

82. Кызласов, Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ, историко-филологическая серия. – 1958. – № 4. – С. 71-99.

83. Кызласов, Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд. Московского университета, 1960а. – 197 с.

84. Кызласов, Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА / Л.Р. Кызласов. – 1960б. – № 3. – С. 93-120.

85. Кызласов, Л.Р. Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города / Л.Р. Кызласов. –М.: Наука, 1965. – С. 59-122.

86. Кызласов, Л.Р. История Тувы в средние века / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд. Московского университета,1969. – 211 с.

87. Кызласов, Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири / Л.Р. Кызласов. – Л.: Наука, 1975а. – С. 193-211.

88. Кызласов, Л.Р. Городище Оймак на Улуг-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии / Л.Р. Кызласов. – Новосибирск: Наука, 1975б. – С. 178-191.

89. Кызласов, Л.Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) //

История и культура востока Азии / Л.Р. Кызласов. – Новосибирск, 1975в. – Т. III. – С. 170-177.

90. Кызласов, Л.Р. Древняя Тува. От палеолита до IX в. / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд. Московского университета, 1979. – 207 с.

91. Кызласов, Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Л.Р. Кызласов. – М.: Наука, 1981а. – С. 46-52, 136-139.

92. Кызласов, Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX-X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Л.Р. Кызласов. – М.: Наука, 1981б. – С. 54-59, 143-146.

93. Кызласов, Л.Р. История Южной Сибири в средние века / Л.Р. Кызласов. – М.: Высшая школа, 1984. – 167 с.

94. Кызласов, Л.Р. Очерки по истории Южной Сибири и Центральной Азии / Л.Р. Кызласов. – Красноярск: Изд. Красноярского госуниверситета, 1992. – 224 с.

95. Кызласов, Л.Р. Города гуннов // Татарская археология / Л.Р. Кызласов. – Казань: Изд. АН РТ, 1998. – № 2 (3). – С. 47-64.

96. Кызласов, Л.Р. Города гуннов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд. ИА РАН, 1999. – С. 195-205.

97. Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири / Л.Р. Кызласов. – М.: РАН, Восточная литература, 2001. – 176 с.

98. Кызласов, Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования / Л.Р. Кызласов. – М.: Восточная литература РАН, 2006. – 360 с.

99. Кычанов Е.И. Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Сибирский археологический сборник / Е.И. Кычанов. – Новосибирск: Наука, 1966. – С. 269-281.

100. Кычанов, Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века (История и культура востока Азии, [т. 7]) / Е.И. Кычанов. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 136-148.

101. Кычанов, Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е.И. Кычанов. – М.: Наука, 1997. – 320 с.

102. Левицкая, Л.С. Жилище, дом, поселение // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Л.С. Левицкая. – М.: Наука, 1997. – С. 485-500.

103. Лопатин, И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования / Лопатин И.А. – Владивосток, 1922. – 370 с.

104. Лувсандэндэв, А. Сяньбийский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / А. Лувсандэндэв. – М.: Изд. Индрик, 1997. – С. 144-147.

105. Медведев, В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / В.Е. Медведев. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 234-268.

106. Медведев, В.Е. О трансформации жилищ позднего неолита и их причинах (Нижнее Приамурье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / В.Е. Медведев. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 191-196.

107. Медведев, В.Е. Третий год исследований на поселении Булочка // Археологические исследования 2005 года / В.Е. Медведев. – М.: Наука, 2007. – С. 491-492.

108. Миняев, С.С. Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства / С.С.

Миняев. – Кемерово, 1979. – С. 74-76.

109. Миняев, С.С. Исчезнувшие народы. Сюнну // Природа / С.С. Миняев. – 1986. – № 4. – С. 42-53.

110. Миняев, С.С. Сюннуский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / С.С. Миняев. – Владивосток: Изд. ИИАЭНДВ ДВО РАН, 2001. – С. 295-303.

111. Могильников, В.А. Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / В.А. Могильников. – М.: Наука, 1992. – С. 254-273, 455-464.

112. Мыльникова, Л.Н. Талаканская культура раннего железного века в Западном Приамурье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / Л.Н. Мыльникова, С.П. Нестеров. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 356-380.

113. Народы КНР // Народы Мира. Этнографические очерки. Народы Восточной Азии / Народы КНР. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 131-696.

114. Народы Сибири – Народы Мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. – М.-Л., 1956.

115. Немет, Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания / Ю. Немет. – 1963. – № 6. – С. 126-136.

116. Неразик, Е.Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV-VIII вв. // История, археология и этнография Средней Азии / Е.Е. Неразик. – М.: Наука, 1968. – С. 197-207.

117. Неразик, Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IX) / Е.Е. Неразик. – М.: Наука, 1976. – 256 с.

118. Окладников, А.П. Древние поселения на острове Петрова // Археология Южной Сибири / А.П. Окладников, А.П. Деревянко. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1979. – С. 3-13.

119. Орехов, А.А. Модели приморской адаптации Беринговоморья и Охотоморья (канчаланская и древнекорякская культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / А.А. Орехов. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 319-356.

120. Пан, Т.А. Похоронный обряд у сибинцев // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / Т.А. Пан. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 216-226.

121. Певнов, А.М. Чжурчжэньский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / А.М. Певнов. – М.: Изд. Индрик, 1997. – С. 260-267.

122. Пономаренко, А.К. Неолит Камчатки: периодизация и основные особенности эволюции древних культур // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / А.К. Пономаренко. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 268-291.

123. Попов, А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири / А.А. Попов. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1961. – С. 131-226.

124. Руденко, С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы / С.И. Руденко. – М.-Л.: Наука, 1962. – 205 с.

125. Рудникова, Е.В. «Дотунгусская проблема» в этнолингвистических исследованиях // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) Е.В. Рудникова. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 283-296.

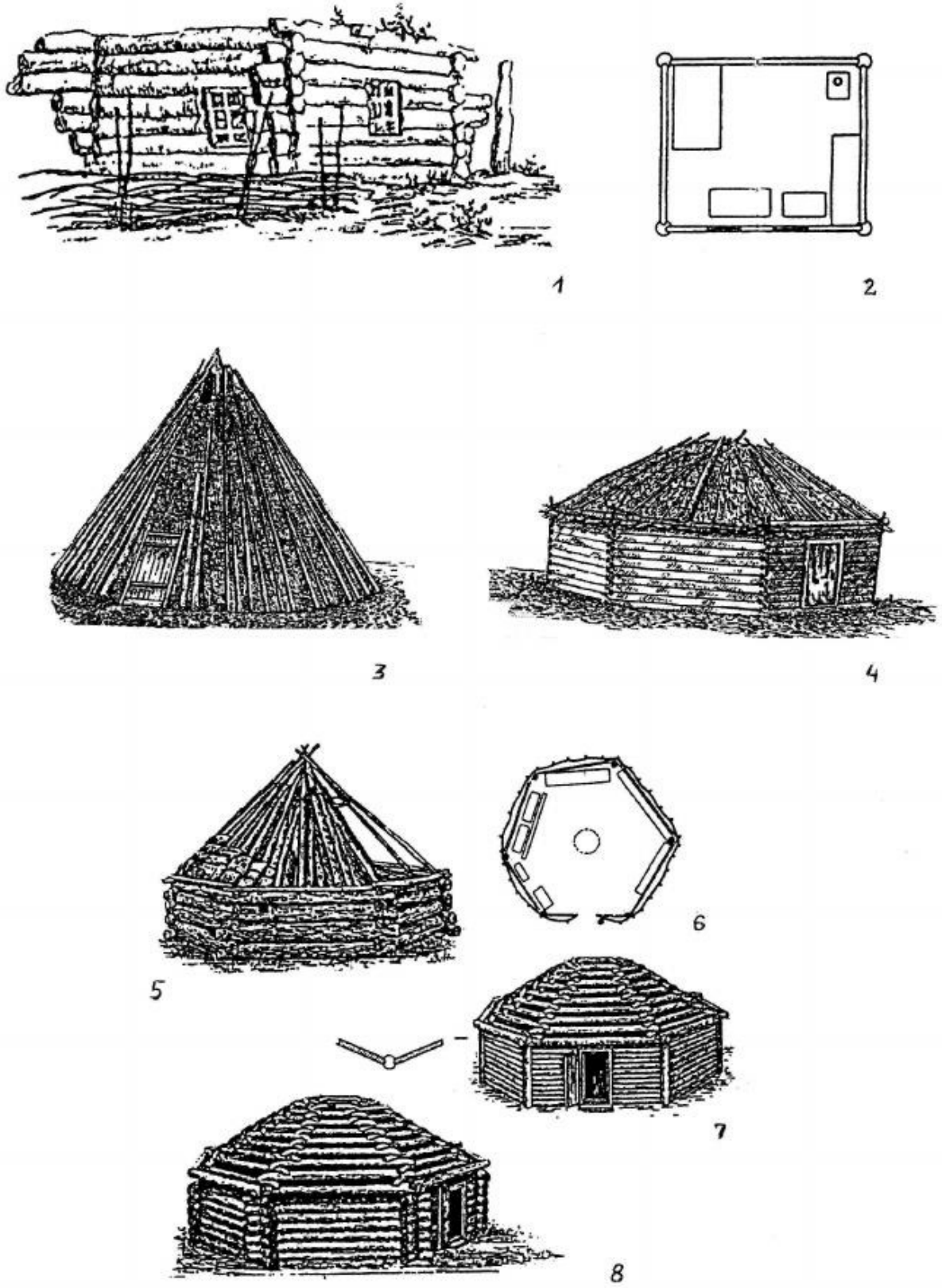


Рис.1 Основные классы жилищ коренных народов Саяно-Алтайского нагорья. *1, 2* – тура (общий вид срубной и план столбовой постройки); *3* – алачик; *4-8* – иб (*4, 5, 8* – срубные, *6, 7* - столбовые). *1-2, 4, 6-8* – хакасы, *3, 5* – алтайцы. По Ю.А. Шибаевой (*1, 2*), Л.П. Потапову (*3*) и А.А. Попову (*4-8*).

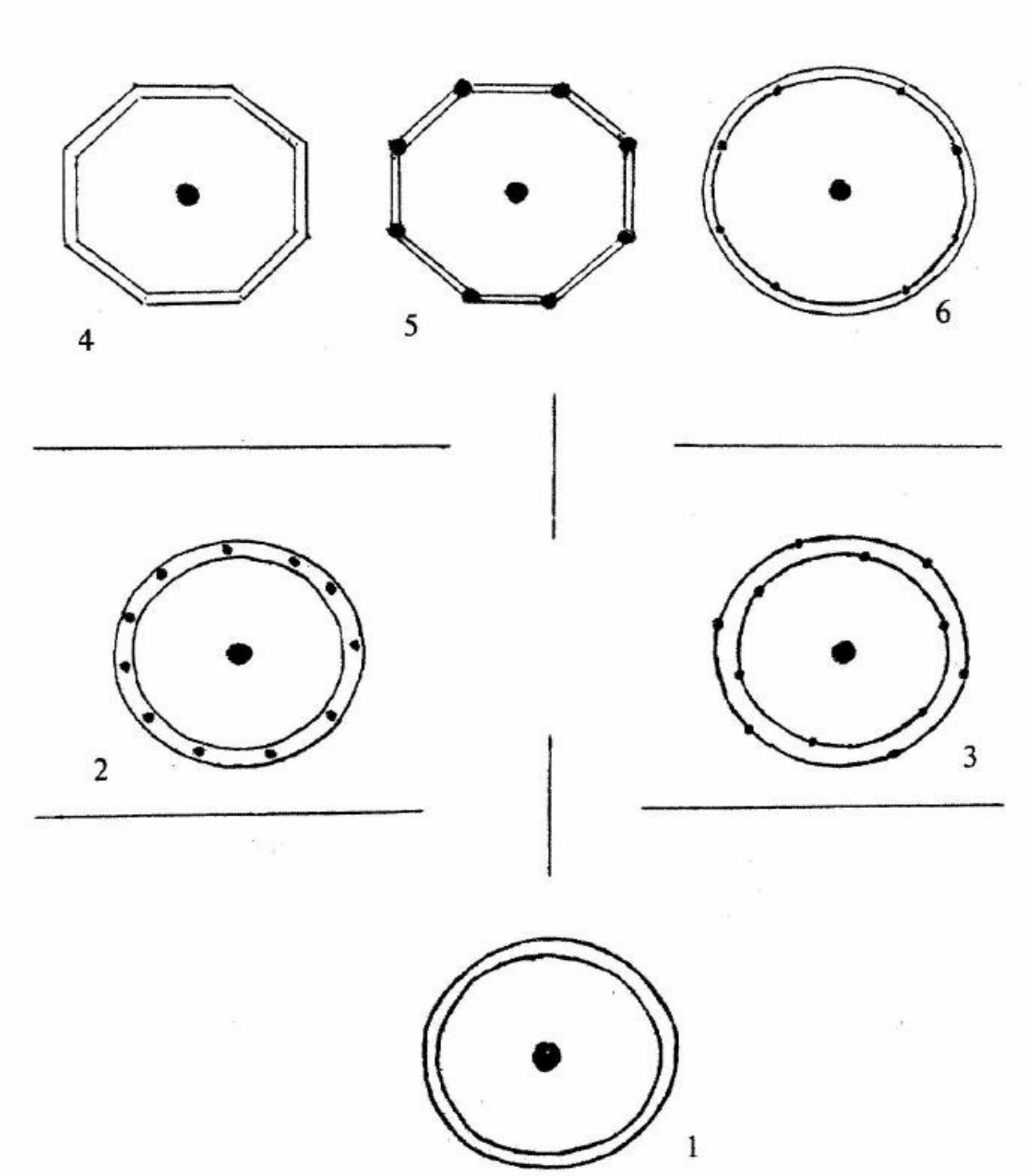


Рис.2 Предполагаемое развитие основных форм наземных жилищ

прототюркских и древнетюркских народов. Перекрытие шатрово-купольное (дарбазное). В центре открытый очаг. Раннее направление входа неизвестно. *1* – круглый глиняный дом; *2* – плетневой дом-мазанка, *3* – засыпной двухплетневой дом, *4* – срубный дом,

5 – бревенчатый столбовой дом, *6* – переносной дом (юрта).

1 – умозрительная реконструкция, *2-6* – этнографическая реальность.

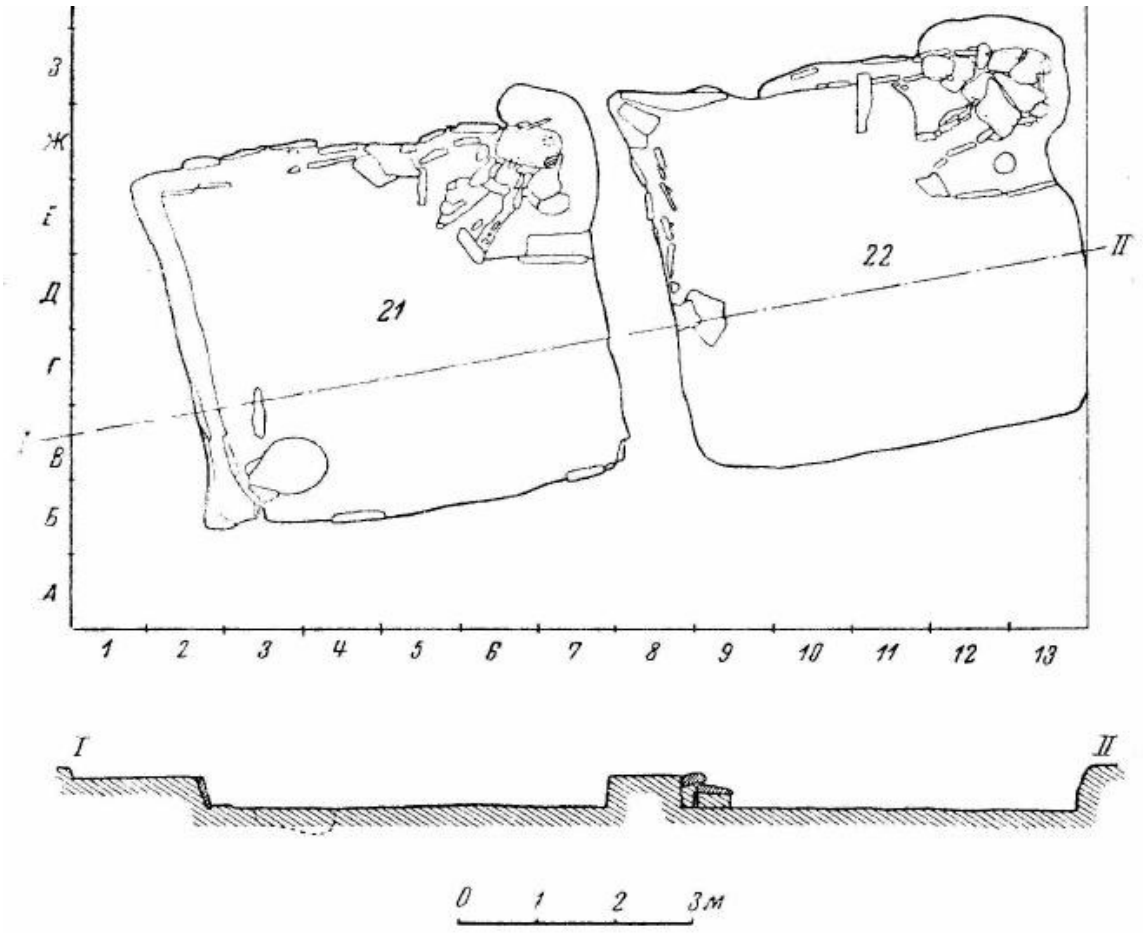


Рис.3 Культура гуннов. Иволгинское городище.

Планы и разрез жилищ 21 и 22 с Г-образными канами. По А.В. Давыдовой.

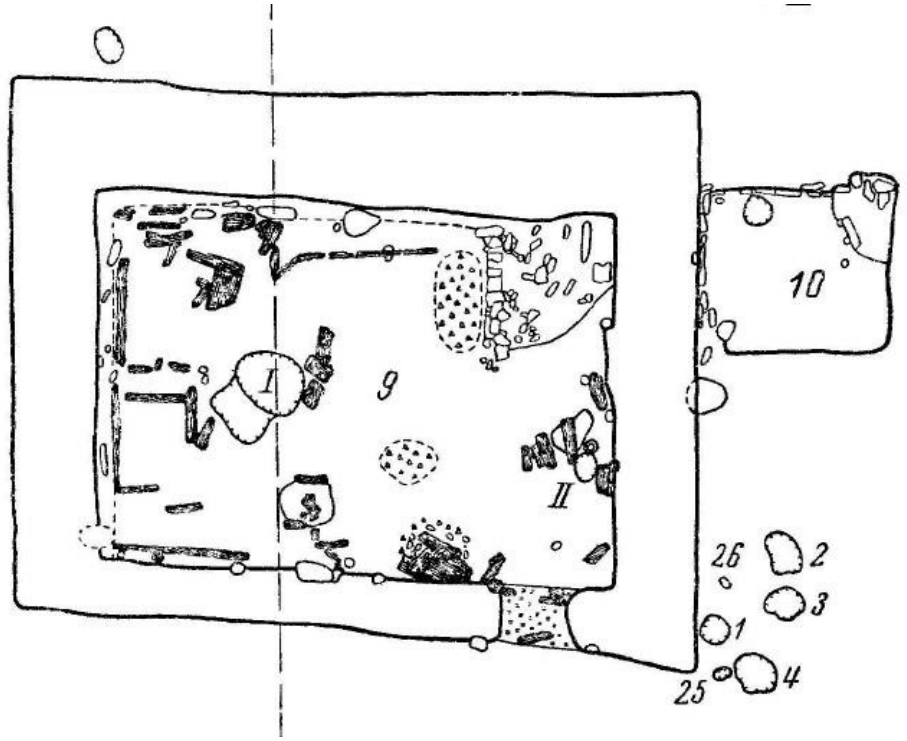


Рис.4 Культура гуннов. Иволгинское городище.

Планы жилища 9 и помещения 10.

Остатки кана и деревянных конструкций. По А.В. Давыдовой.

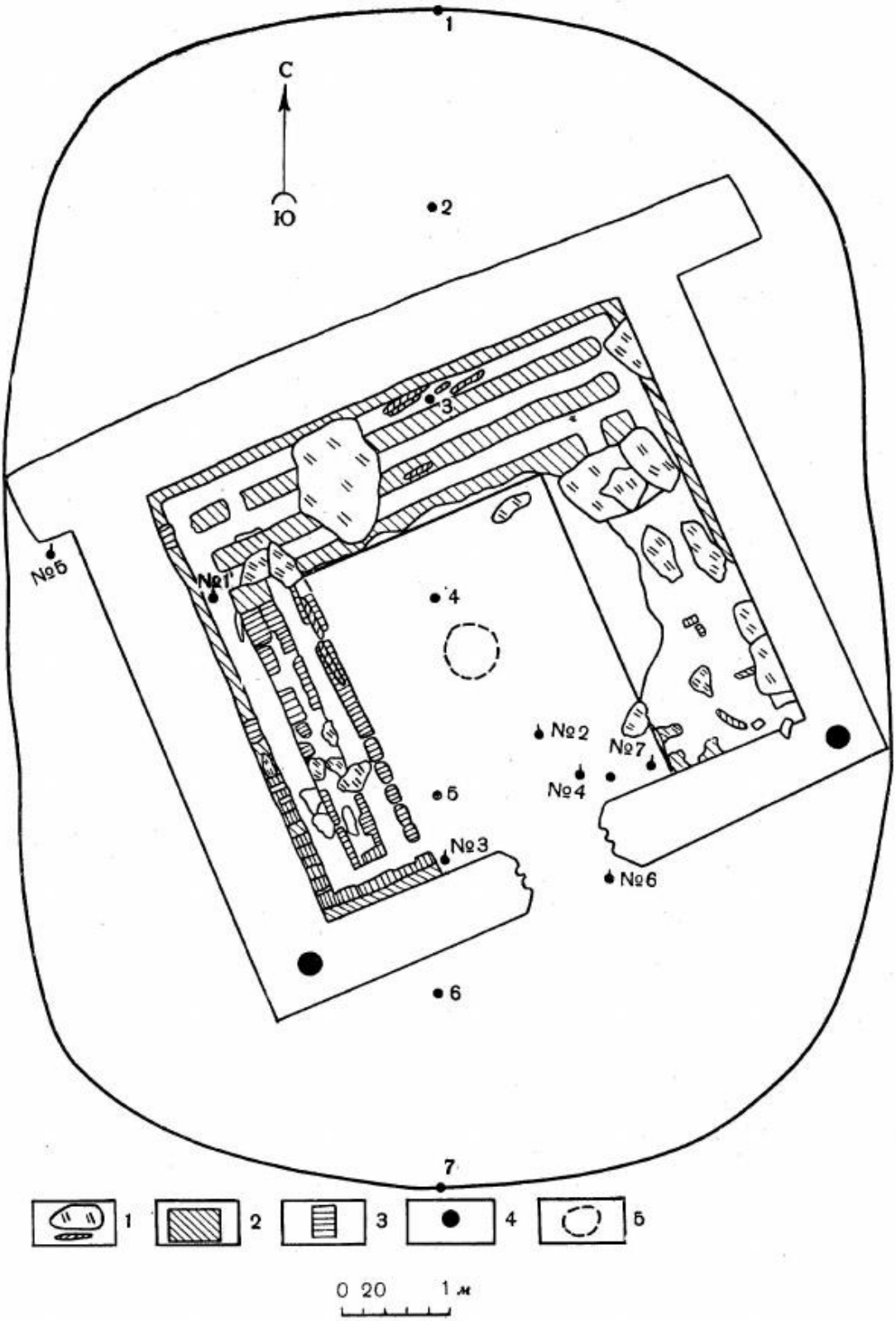


Рис.5 Монгольское городище Эртине-Булак (Тува).

План жилого дома с П-образной лежанкой-каном. XIII-XIV в.

1 – плиты, *2* – глина, *3* – кирпичи, *4* – деревянный столб, *5* –место жаровни,

№ 1-7 – индивидуальные находки. По Л.Р. Кызласову.

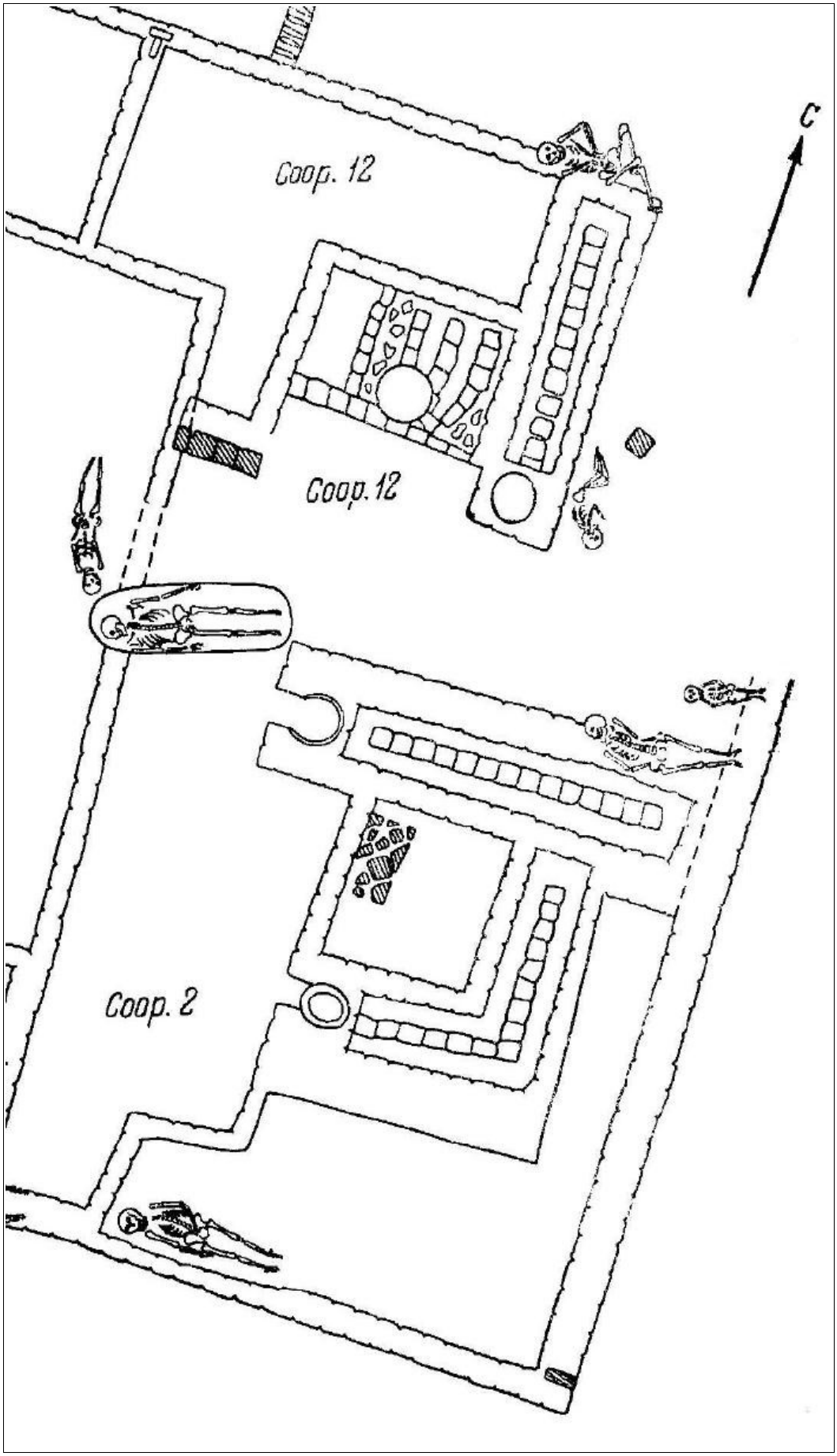


Рис.6 Золотая Орда. Селитренное городища.

Часть здания с канами на раскопе V 1965 г. По В.Л. Егорову.

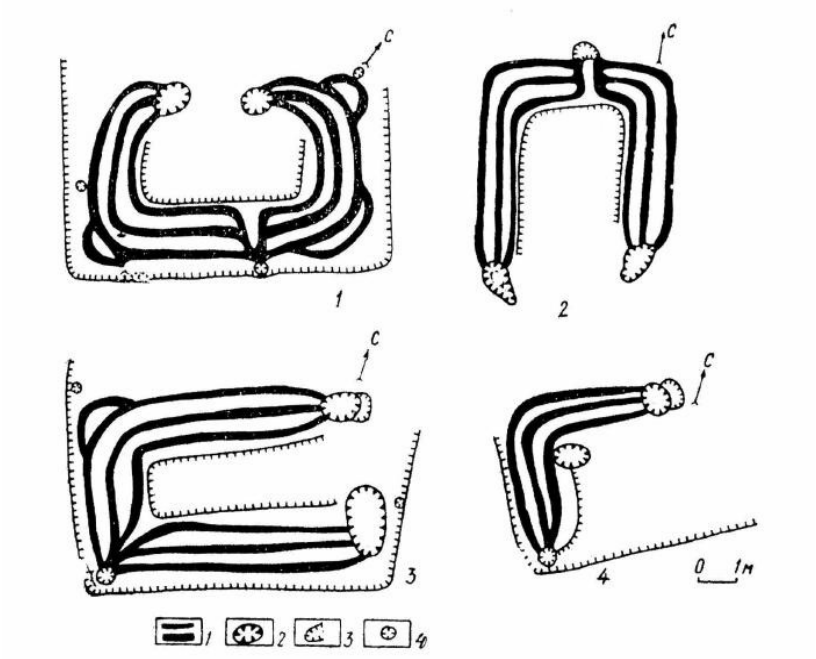


Рис.7 Чжурчжэни. Ананьевское городище.
Типы жилищ с канами. По В.А. Хореву.

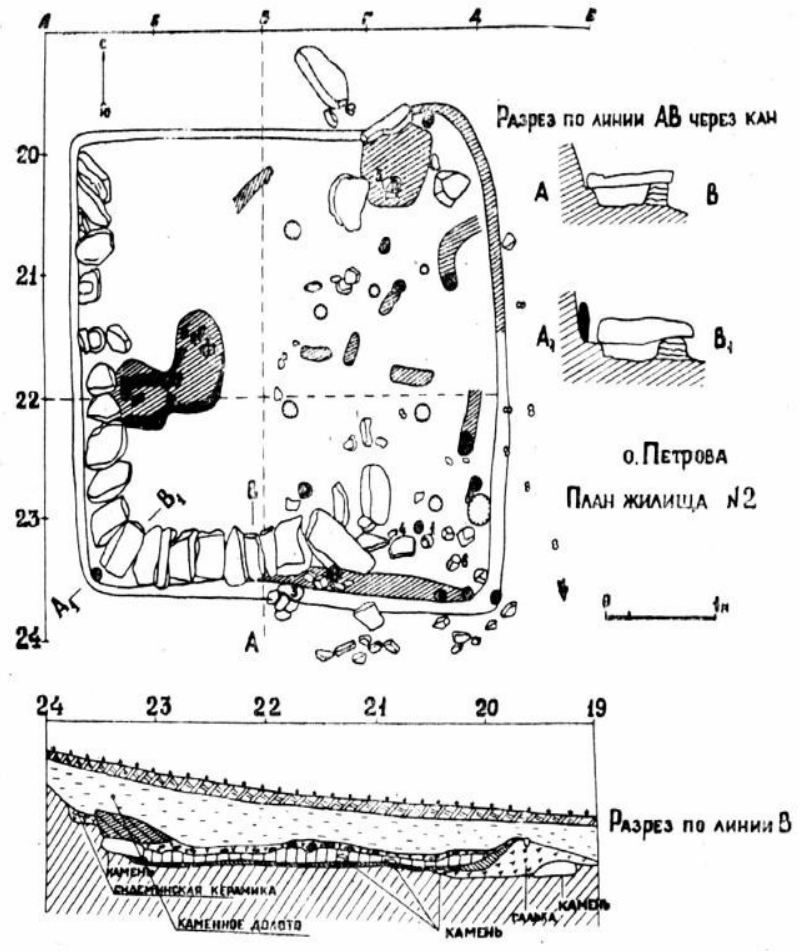
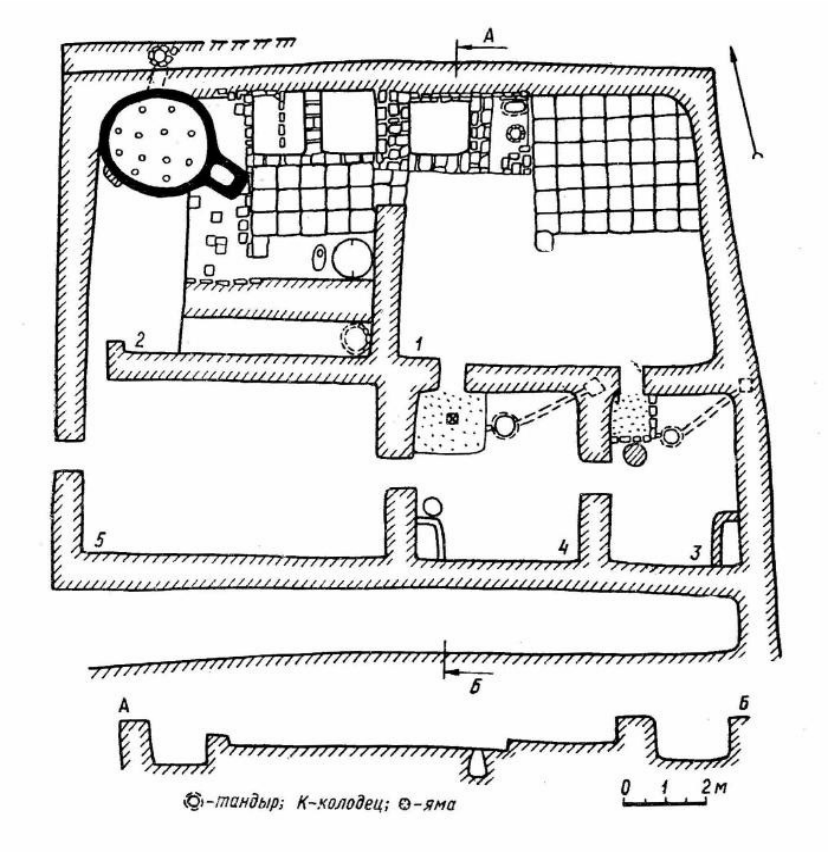


Рис.8 Кроуновская культура. Остров Петрова.
Жилище № 2 с Г-образным каном.



По А.П. Окладникову и В.Д. Бродянскому.

Рис.9 Отрар. Мастерская 1. Вторая половина XIII – первая половина XIV в.

Помещения 3 и 4 – пример тандырного подпольного отопления.

По К.А. Акишеву, К.М. Байпакову, Л.Б. Ерзаковичу.

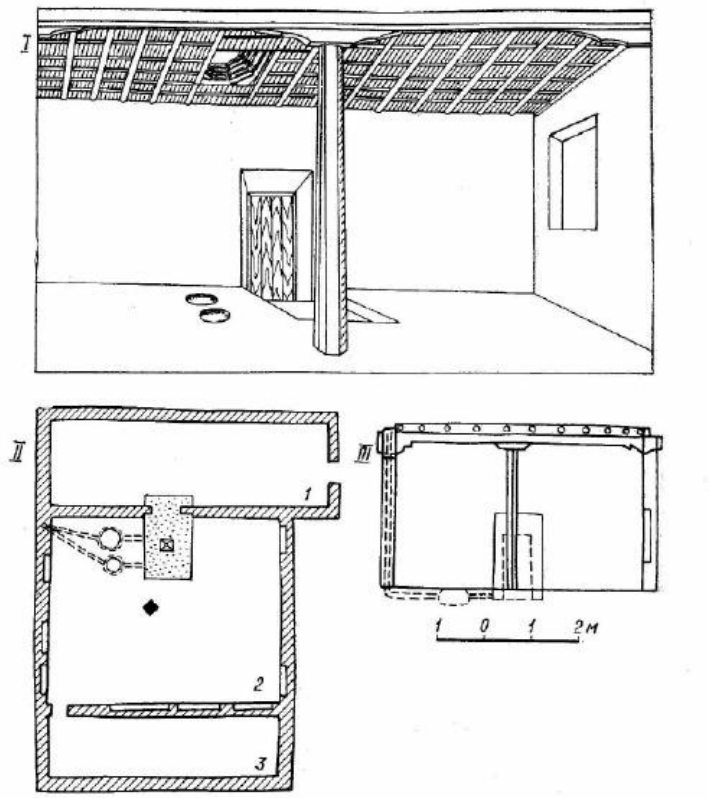


Рис.10 Традиционное жилище присырдарьинских казахов. XIX в.

Интерьер (I) и разрез (III) жилой комнаты, общий план дома

(II: *1* – помещение для скота, *2* – жилая комната, *3* – кладовая). По Л.Б. Ерзаковичу.

126. Рудов, Л.Н. Кидани // Дальний Восток / Л.Н. Рудов. – М.: Изд. восточной литературы, 1961. – С. 158-172.

127. Сидоренко, Е.В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла / Е.В. Сидоронко. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 270 с.

128. Сидоренко, Е.В. К вопросу о культурогенезе палеоазиатов (по материалам лидовской культуры) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / Е.В. Сидоренко. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 165-174

129. Стариков, В.С. Тунгусо-маньчжурские народы // Народы Мира. Народы Восточной Азии / В.С. Стариков. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 672-690.

130. Стариков, В.С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР / В.С. Стариков. – М.: Наука, 1967. – 255 с.

131. Стариков, В.С. Жилище народов Китая. Жилища народов тунгусо-маньчжурской группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / В.С. Стариков. – М.: Наука, 1979. – С. 193-197.

132. Суник, О.П. Маньчжурский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / О.П. Суник. – М.: Изд. Индрик, 1997. – С. 162-173.

133. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. Перевод с китайского Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, комментарий Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина и А.М. Карапетьянца / Сыма Цянь. – М.: Восточная литература РАН, 2002. – 510 с.

134. Таскин, В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / В.С. Таскин. – М.: Наука, 1968. – 177 с.

135. Таскин, В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 2. Цзе / В.С. Таскин. – М.: Наука, 1990. – 255 с.

136. Тодаева, Б.Х. Дагурский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / Б.Х. Тодаева. – М.: Изд. «Индрик», 1997. – С. 51-60.

137. Токарев, С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры / С.А. Токарев. – М.: Изд. Московского университета, 1958. – 615 с.

138. Федоров-Давыдов, Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Г.А. Федоров-Давыдов. – Алма-Ата: Наука, 1983. – С. 215-220.

139. Федоров-Давыдов, Г.А. Золотоордынские города Поволжья / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд. Московского университета, 1994. – 228 с.

140. Хореев, В.А. О некоторых конструктивных особенностях жилищ Ананьевского городища // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий / В.А. Хореев. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. – С. 87-91.

141. Цинциус, В.И. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1972. – С. 3-14.

142. Шавкунов, В.Э. Раскопки Ауровского городища // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / В.Э. Шавкунов. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001. – С. 173-183.

143. Шавкунов, В.Э. Многослойный памятник Ауровское городище // Актуальные проблемы дальневосточной археологии (Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Т. XI) / В.Э. Шавкунов, Е.И. Гельман. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – С. 75-108.

144. Шавкунов, Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII ввю и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока / Э.В. Шавкунов. – М.: Наука, 1990. – 282 с.

145. Шавкунов, Э.В. О слогаемых этноса и культуры Бохая // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / Э.В. Шавкунов. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001. – С. 11-16.

146. Щербак, А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков / А.М. Щербак. – СПб.: Наука, 1994. – 192 с.

147. Щербак, А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.) / А.М. Щербак. – СПб.: Наука, 1997. – 291 с.

148. Щербак, А.М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков / А.М. Щербак. – СПб.: Наука, 2005. – 195 с.

149. Clauson, G. Philology and archaeology // Antiquity / G. Clauson. – 1973. – V. 47. – P. 37-42.

150. Salminen, T. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870-1935 / T. Salminen. – Helsinki, 2003. – 278 s.